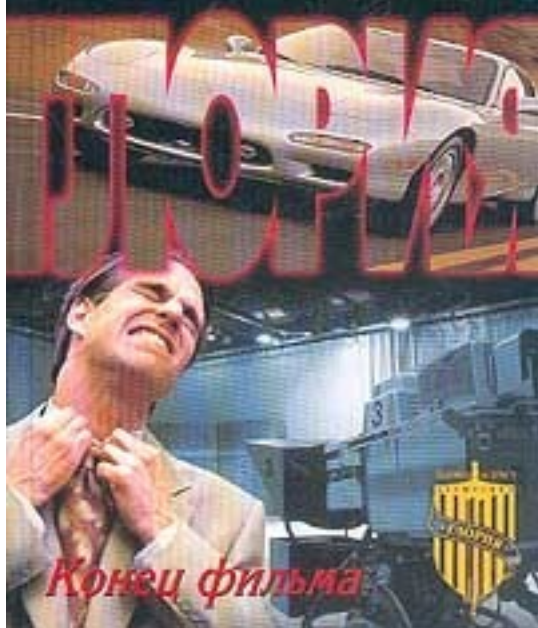

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Конец фильма

Фридрих Евсеевич Незнанский

Конец фильма

Серия «Агентство «Глория»»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136600
Ф.Незнанский Конец фильма: АСТ; Москва; 2001
ISBN 5-17-000000-0, 5-7390-1106-X*

Аннотация

Самоубийство сценариста нового детективного фильма, совершившееся буквально на съемочной площадке, выглядело абсолютно явным... пока за расследование дела не принимается частный детектив Денис Грязнов.

Только он уверен: кто-то в замкнутом кружке людей, упоенно «играющих в преступление» перед камерой, совершил преступление в реальности.

И, что самое загадочное, похоже, убийство совершается в полном соответствии со сценарием фильма...

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	11
3	13
4	17
5	19
6	23
7	24
8	28
9	32
10	34
11	38
12	39
13	40
14	42
15	43
Глава вторая	45
1	45
2	50
3	55
4	56
5	59
6	61

7	64
8	68
9	73
10	76
11	80
Глава третья	82
1	82
2	85
3	91
4	96
5	98
6	101
7	103
8	104
9	107
10	109
11	112
12	114
13	116
14	119
Глава четвертая	121
1	121
2	123
3	128
4	130
5	132

6	134
7	136
8	137
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Фридрих Незнанский

Конец фильма

Глава первая

1

Карандаш сломался, бумага порвалась.

Точить другой было бы глупо и странно. Он поискал на столе, нашел шариковую ручку и, выдернув новую страницу из блокнота, что-то быстро написал. Поискал глазами, куда бы положить записку, но не нашел, оставил на столе. Некоторое время стоял, глядя себе под ноги, а потом медленно, словно во сне, обернулся.

За ним был шкаф с оружием. Несколько красивых пистолетов поблескивали на красном бархате. Он заставил себя подойти, взять небольшой черный, с коричневой рукояткой. Рука с пистолетом безвольно опустилась. Он взвел курок и от щелчка вздрогнул.

Суетливо поднес дуло к груди, потом переместил к виску, засунул даже в рот, но в конце концов упер холод металла в собственный лоб.

Прикусил губу, на глаза накатались слезы, он зажмурился,

выдохнул шумно и нажал курок.

Пистолет сухо щелкнул — по белой стене разбрызгалась кровь.

Он покачнулся и стал заваливаться на спину.

— Стоп! Снято!

Актер, играющий самоубийцу, не упал, только привалился к дивану.

— Печатать? — подлетела к режиссеру помреж.

— Печатать, — сказал режиссер и покосился на операторшу. Та оторвалась от визира и скривилась так, словно сейчас ее стошнит.

— Второй дубль, — покачала она головой.

— Миш! — Через павильон к режиссеру шел Кирилл. — Погодите! Миш, что печатать? Это барахло ты хочешь печатать?

Режиссер встал со стула, развел руками.

— Марик, что за дела? — обернулся он к говорившему в мобильник лысоватому человеку.

Лысоватый тут же выключил телефон и во все тридцать два зуба улыбнулся.

— Миш, творчество, а, да? Что, Кирилл, что?

— Ну это же из рук вон, Миша, — укоризненно сказал Кирилл. — Вить, ты не обижайся, — успокоил он актера. — Ребята, вы сечете, что такое темпо-ритм, саспенс, драйв, наконец?

— Сайнекс! — скомандовала операторша.

— Не подходите к оружию! — громко сказал парень в кожаной куртке. — Сколько можно просить!

— Это же просто. Ты видел когда-нибудь, как человек стреляется? — размахивал руками Кирилл.

— Нет, — признался актер. — А ты? Сергей Петрович, вы видели?

Стоявший в стороне пожилой дядечка подошел, покачал головой.

— А я видел, — сказал Кирилл.

— Вить, пусть он покажет, а, Миша? — все так же лучезарно улыбался всем Марик Варшавский. — Кирилл, покажи.

— Игорь, ты охренел?! Куда столько дыма?! — закричала через всю площадку операторша.

Среди декораций носились реквизиторы, гримеры, пиротехники, на доброй половине из них были черные трикотажные куртки с названием фильма — «5+».

Парень в кожанке стал разгонять дым по павильону.

Женщину с любительской телекамерой, запечатлевавшую происходящее на площадке, шугали все, кому не лень.

— Понимаешь, любовь любовью не играют, — все размахивал руками Кирилл перед носом актера. — А ты все боишься и боишься. А наоборот — веселее, знаешь, уже все по фигу. Это же потом аукнется. Вернее, раньше аукнется.

— Где — раньше?

— Кирилл, что за новости? — встрял режиссер.

— Где... в четырнадцатой серии.

— В какой?! — схватился за живот режиссер, сгибаясь от наигранного смеха. — Когда она будет, Кирилл?!

— Будет.

— Марик, он издевается? — повернулся к Варшавскому режиссер.

— Миш... Ладно, да? — примиряюще улыбался Марик.

— Чего — ладно?! У нас написанных восемь серий из шестнадцати, а он тут режиссурой занялся. Он сценарист или кто?

— Ну пусть, пусть, — снисходительно сказал актер.

Кирилла это вдохновило, он бросился к письменному столу, повторил то, что уже делал актер, но страшно наигрывая, а потом с улыбкой подбежал к оружейному шкафу, схватил пистолет, приставил к своему лбу и сказал:

— Весело, понимаешь, ты уже все знаешь наперед, тебе уже все по фигу... — и нажал на курок.

В шуме суетящегося павильона грохнуло так, что всё замерло.

Голову Кирилла отбросило назад, и он рухнул на спину.

Среди застывшей толпы двигался только он. Да еще парень в кожанке бежал к оружейному шкафу.

Потом из-за спины режиссера выглянула актриса и сказала:

— Дураки... Что за шутки, дураки!

— Я не виноват! — истерично закричал парень в кожанке.

И только тут все задвигались, закричали, забегали, ужаснулись.

Стоявшая позади Кирилла помреж вытирала с лица красную жижу и спрашивала пустоту:

— Это настоящая? Это настоящая? Это настоящая?

Вперед протиснулся пожилой дядечка, быстро склонился к мертвому телу и громко скомандовал:

— Так! Из павильона никто не выходит! Марк Семенович, проследите!

За ним пробились к трупу женщина с видеокамерой.

Начала снимать и упала в обморок. И тут же протяжно закричала, закрывая лицо руками, другая женщина.

Денис Грязнов тыкался в разные двери, спрашивал пробежавших мимо:

— Где второй павильон, не подскажете?

Но люди неопределенно махали рукой в разные стороны и убегали.

— Денис! — наконец услышал Грязнов. Обернулся.

Из дальнего конца стеклянного коридора к нему бежал пожилой дядечка.

— Сергей Петрович? — немного опешил Денис. — А вы?..

— Сюда пойдем, сюда, — на ходу приобнял Грязнова дядечка.

— Я тут заблудился, в этих лабиринтах, — виновато улыбался Денис.

— Как говорил Довженко, здесь все криво и ничего не прямо, — улыбнулся дядечка. — Это я тебе звонил. Нужна будет твоя помощь.

— А что тут?

— Сам увидишь.

Шумная толпа курила на лестнице, но, завидев пожилого дядечку с Грязновым, побросала окурки и скрылась за дверью с надписью «Павильон № 2».

— Только ты это, Денис... — остановился Сергей Петро-

вич. — Народ специфический, понимаешь?

— Артисты, понимаю...

— Ну да. И еще... Ты не пугайся только, держись, ладно?

— А что? Сергей Петрович, что?

— Кирилл застрелился.

— Медведь?.. Медведев?! Где?!

— Здесь, — кивнул на павильон Сергей Петрович.

3

Место смерти Кирилла уже было огорожено милицейской лентой, крутились эксперт, фотограф, оперативники заполняли протоколы, беседовали с людьми.

Тело Кирилла было накрыто простыней, но все так же лежало на полу.

Женщина, которая кричала, сидела теперь на полу рядом с телом, все так же закрывая лицо руками.

— Кто? — спросил Денис Сергея Петровича.

— Сам. Взял пистолет и...

Денис остановился.

— Они что тут, настоящими стреляют? — вытаращил он глаза.

Сергей Петрович развел руками.

— Здравствуйте. — К ним подошел Варшавский. — Вы тоже следователь?

— Я частный детектив. Мне Сергей Петрович позвонил.

— Да-да, я сам и попросил. На милицию, знаете, надежды никакой, а шуму будет много. Лучше уж вы.

— Но мое расследование официального не заменит.

— Это мы понимаем. Однако мы совсем не хотим шума, прессы. В конце концов, если несчастный случай... вы понимаете? Вот Сергей Петрович и предложил привлечь вас. Говорит, что, на худой конец, можно вашего дядю попросить...

Варшавский имел в виду, конечно, начальника МУРа Вячеслава Грязнова.

Денис не ответил, подлез под заграждение и присел рядом с женщиной.

— Лена, ну Лен, — сказал он, трогая ее за плечо. — Это я, Лен...

Она подняла на него невидящие глаза и снова закрыла их руками.

— Это вы, что ли, из «Глории»? — К Денису подошел следователь.

— Я.

— Ну давайте нюхать вместе, мне уже сказали про вас.

— Давайте.

— Не уходит, — сказал следователь, кивнув на Лену.

— Пусть сидит, — прошептал ему Денис, — она супруга погибшего.

Он вылез из-под заграждения.

— Так мы на вас рассчитываем? — тут же снова пристал Варшавский.

— А вы сами кто?

— Я продюсер, Варшавский Марк Семенович. Какой ужас, да, а? Мы никого отсюда не выпускали, как наш консультант Морозов сказал...

В углу сидел бледный актер, возле него хлопотала по-мреж. Он отталкивал ее руку со стаканом воды, капризно морщился.

Грязнов удивленно посмотрел на Сергея Петровича.

— Так это вы здесь консультант?

Тот пожал плечами:

— Осуждаешь?

— Почему, завидую.

— Вы уже в курсе? — спросил Варшавский.

— Нет пока.

— Вот его должны были убить, — кивнул он на актера.

— Представляете, а?

Грязнов снова обернулся к Морозову:

— Что тут вообще?.. Объясните!

— Сергей! — крикнул из своего угла актер. — Сережа, ты куда провалился? Морозов!

Морозов помахал рукой актеру: дескать, я сейчас.

— Кино, понимаешь, — почему-то виновато начал говорить он Грязнову. — Снимали сцену самоубийства. Вон актер, Максимов...

— Узнал.

— А потом Кирилл стал показывать, ну репетиция, и — бах...

— Так патроны откуда? Там же холостые должны быть, наверное, — снова спросил Грязнов.

— Какие — холостые?! Никаких патронов вообще. Пистолет бутафорский, — замахал руками продюсер. — Вы что, холостыми можно обжечься, вы что!..

Грязнов залез под ленту и сказал следователю:

— Ну расскажите, что у вас тут.

— Вот пистолет, — ответил тот, демонстрируя пакет с пистолетом. — Пиротехник сидит рядом, в комнате.

— Кто?

— Ну который за оружие у них отвечает. — Следователь заглянул в блокнот: — Линьков. Собираюсь допрашивать.

— Я с вами, ладно?

Он подошел к трупу, поднял простыню. Кирилл смотрел пустыми глазами в потолок.

У Грязнова дернулась щека, сжались губы.

— Лен, держись, — сказал он сидящей на полу женщине. И обернулся к следователю: — Я минут на двадцать отъеду? Подождете?

— Подождем.

Грязнов вылез из-под ленты. Нашел глазами Морозова — тот успокаивал актера, — подошел.

— Сергей Петрович... Здравствуйте, — кивнул актеру. — Поеду попробую у дядьки кое-какие справки навести. Хотите со мной, по дороге поговорим.

Морозов кивнул:

— А поможет ваш дядя?

— Поможет, — уверенно сказал Грязнов.

4

— ...Нет, Денис. Ни за что. Ты ж не первый год замужем, — говорил Вячеслав Иванович Грязнов, что-то разыскивая в ящиках стола. — Эти всякие твои братья, сестры, знакомые, сам знаешь, потом боком вылезают. Да и дело слишком уж шумное. Идет же официальное расследование...

— Вячеслав Иванович, они ж ведь приятели... — сказал Морозов.

— Во, как раз! Стоит адвокату пронюхать, что приятель покойного там копал, он же все дело утопит!

— Да не утопит. Денис постарается...

— Ты, Сережа, помолчи, — незло перебил Грязнов. — Сейчас адвокаты, знаешь, волки.

Зазвонил телефон.

— Грязнов слушает, — оторвался от поисков и поднял трубку генерал.

Морозов положил руку на плечо Дениса, спокойно кивнул:

— Поможет.

— Да знаю уже, — поморщился Грязнов-старший. — Да, люди там работают. Конечно. У нас плохих следователей вообще нету. Плохие убежали в мафию, — хохотнул он неожиданно. — Есть. Есть. Здравия желаю.

Грязнов положил трубку, нагнул над ящиком стола, на-

конец достал оттуда коробку со скрепками.

— Во! Неделю ищу. Нужно? — показал ее Морозову и Денису.

— Нет, — покачал головой Денис.

Грязнов снова сунул скрепки в стол:

— Все, Денис. Свободны оба.

Морозов встал:

— Товарищ генерал...

— Идите-идите, — махнул рукой Вячеслав Иванович.

Денис резко развернулся. Дернул ручку двери.

— Только со следователем там не конфликтуй, — крикнул вдогонку Грязнов-старший.

— С каким?

— Ну с тем, что ведет дело это, о самоубийстве, — пожал плечами генерал.

— Тогда давай свои скрепки, — улыбнулся Денис.

Линьков, парень в кожанке, курил сигарету, обжигая черные пальцы — только что эксперт-криминалист снял на карточку отпечатки его пальцев, — и время от времени остервенело тер свою стриженную наголо макушку.

— Я первый просек, правда! Он как долбанет, я сразу просек...

— Ваш пистолет? — спросил, показывая полиэтиленовый пакет с оружием, следователь.

Линьков присмотрелся:

— Похож.

— И как в нем оказались боевые патроны?

Дверь отворилась, и вошел человек в костюме придворного Людовика XIV.

— И это можно носить? — с ходу закричал он. — У меня там верховые сцены, я на коня не влезу! — Он повернулся спиной и задрал камзол. Штаны на задуге были прорваны по шву. — Видите?

— Вижу, — сказал опешивший следователь. Денис хмыкнул.

— Отлично. — Человек расстегнул штаны и, быстро сняв, бросил их Грязнову. — Перешивайте.

— Я вообще-то не умею, — улыбнулся Денис.

Человек только тут сообразил, что ошибся.

— Это костюмерная? Ох, извините...

И исчез.

— Э-э... На чем мы... Да. Как в пистолете оказались боевые патроны?

— А я знаю?! И это... Он вообще не стреляет! А краска отмоется? — показал он черные пальцы.

— Со временем, — рассеянно ответил следователь. Он поднялся и пошел к двери. Грязнов догнал его. Следователь выглянул в коридор:

— Коль, поди сюда!

Подошел оперативник.

— Посиди с этим, мы сейчас.

— Пистолет нашли? — спросил он другого оперативника, который беседовал с худой женщиной, курящей по-мужски папиросы.

— Какой?

— Бутафорский — какой!

Оперативник захлопал глазами.

— Варшавский! — крикнул следователь.

Тот словно бы материализовался.

— Скажите всем, что сейчас будем производить обыск.

— Я? Нет, вы что, я нет! — Он схватил со стула радиомегатфон и протянул почему-то Грязнову: — Вот кнопочка.

— Внимание, — сказал Грязнов и сам испугался громкости своего голоса.

Павильон затих.

— Прошу всех присутствующих собраться у этой вот стены. Придется произвести личный досмотр.

Киношники нехотя потянулись к указанной стене.

— Вова, — позвал следователь оперативника из-за ограждения, — а вы обыщите тут все досконально.

— Что ищем?

— Пистолет подменили на настоящий, — значит, бутафорский где-то здесь. Только руками не лапать. Перчатки есть?

Вова с сомнением окинул взглядом огромный павильон.

— Антон, — не обратил внимания на этот взгляд следователь, повернувшись к другому оперу, — начинайте с людьми. Ищем бутафорский пистолет.

Оперативники разбрелись по павильону, а рослый и широкоплечий Антон стал обыскивать съемочную группу.

— Да нет его уже здесь, — сказал Морозов Грязнову, который наблюдал за этим процессом. — Они ж как бараны, прости господи, сказано было — не выходить, нет, разбрелись...

Денис же бродил за следователем, который сам пошел по павильону, заглядывая во все уголки.

Потом поднял голову вверх:

— Варшавский!

Продюсер опять моментально материализовался.

— Это опускается? — спросил следователь про осветительские щиты.

— Да.

— Распорядитесь, пожалуйста.

Варшавский бросился исполнять. Грязнов побрел вдоль стены. Какие-то тросы, веревки, электрощиты, гора досок, железных конструкций — черт ногу сломит.

— Поберегись!

Сверху стали опускаться осветительские щиты.

— Может, с Линьковым закончим? — спросил Денис следователя.

— А у тебя есть еще вопросы?

6

Линьков оттирал бумагой черные пальцы.

— А откуда у вас вообще пистолеты? — спросил Грязнов, усаживаясь напротив и закуривая.

— Из цеха, — удивился Линьков.

— Много? Пистолетов.

— Хренова туча. Армию можно вооружить.

Грязнов оглядел Линькова. Стриженная голова, черная кожанка с неумело пришитой эмблемой РНЕ.

— Покажете?

— Что?

— Цех ваш.

— Запросто. Только вы сначала позвоните. А то ключи не у меня. У начальства.

Следователь на вопросительный взгляд Грязнова кивнул.

Грязнов поднял трубку.

Не успели они выйти в коридор, как неизвестно откуда налетел на Линькова актер Максимов и стал дубасить его по бритой голове, приговаривая:

— Убийца! Убийца!

Грязнову еле удалось оттащить Максимова, но тот все рвался к Линькову:

— Он меня убить хотел! Меня!

Грязнов растерянно озирался, держа актера в объятиях.

— Успокойся, Виктор. — К ним подошел Морозов.

— Вы следователь?! — взволнованно отстранился от Грязнова актер. — Тогда я вам все расскажу. Это чрезвычайно важно!

— Я хоть частный детектив, но рассказывайте.

Они зашли в пустую комнату.

— ...Это не он сам, конечно. — Актер расхаживал из угла в угол. — Он так, мелкая сошка. Но — националист! — Он наклонился к Грязнову и многозначительно поднял палец: — Следите?

— Да.

— Как вам для затравки такая история: три дня назад выхожу из подъезда, вот такая собака бросается на меня. Волкодав прямо! Хорошо, я успел обратно забежать.

Грязнов с сомнением посмотрел на Морозова, но тот се-

рьезно слушал. А вот следователь явно скучал.

— Это мелочь, кажется. Но если сложить. Сергей вам не рассказывал? Нет? Меня же убить хотели по-настоящему. Когда это было, Сережа?

— Месяца три назад.

— Да, точно. Меня машина чуть не сбила. Да что там! Если бы не Сергей!..

— Да ладно, — махнул рукой Морозов.

— Нет, не ладно! Он меня буквально из-под колеса вытащил! И что-нибудь происходит регулярно, и вот сегодня это меня убить хотели! Меня!

— Кто? — спросил Грязнов.

— Кто... — Актер устало опустился на стул.

— Здравствуйте, — заглянули в комнату два молодых лица — девушки и парня. — Вам актеры не нужны? Мы Щукинское заканчиваем. Может быть, есть эпизод какой-нибудь?

Все четверо мрачно уставились на них.

— Я машину вожу, Лариса степ бьет, мы поем...

Максимов встал и захлопнул дверь, чуть не прищемив нос молодежи.

— Вот вам ответ. Я степ не бью, петь не умею. Знаете, сколько в Москве театральных вузов? Знаете, сколько бездарей они выпускают каждый год? Куда им податься?

— Вы думаете, конкуренты? — спросил Грязнов.

— А вы как думаете? Гримерша неделю назад чуть глаза

мне не выжгла! Вчера надеваю ботинки, а там вот такая игла!

Грязнов снова посмотрел на Морозова, тот по-прежнему серьезно смотрел на актера. Следователь скучал.

В комнату заглянули оперативники.

— Ничего, — пожал плечами один.

— Пусто, — отряхивал пыльные брюки другой.

— Простите, — материализовался рядом Варшавский. —

Мы уже шесть часов тут. Люди устали. Можно нам идти, а, да?

Компания вернулась в павильон. Тело уже увезли. Лена сидела на диване, все так же закрывая лицо руками.

— Всех переписали? — спросил следователь.

— Всех.

— Ладно, — сказал он Варшавскому. — Можно разойтись.

— Лену кто-нибудь довезет домой? — спросил Грязнов.

— Я отвезу, да, отвезу, — успокоил Варшавский.

— Павильон печатаем, — деловито сказал следователь.

— Вы что? Что вы?! У нас съемки завтра!

— Значит, не будет съемок.

— Миша! Ты слышал?! — обернулся к режиссеру Варшавский.

Тот развел руками.

— Значит, завтра гуляем? — спросила симпатичная актриса, поправляя длинные светлые волосы.

— Да, Ксюша, можешь рекламировать свою жвачку, да!

— сказал Варшавский.

— Спасибо, — сказала актриса, при этом очаровательно улыбнувшись Грязнову.

— Ну что, в оружейную? — спросил он следователя чуть охрипшим голосом.

— Вау! — сказал черноглазый необъятный человек, увидев удостоверение следователя. — Это вы звонили, да? Что случилось?

— Вы здесь работаете? — спросил Грязнов.

— Заместитель начальника пиротехнического цеха Гарипов Ильяс Гарипович, — улыбнулся черноглазый, но, увидев за спиной Грязнова оперативников, двух женщин-понятых и Линькова, помрачнел. — Игорь, да? Что натворил, э?

Денис окинул взглядом ряды железных шкафов, пирамиды с винтовками и автоматами — действительно, целый склад оружия.

— Где ключи? — спросил он.

— Да, да здесь ключи.

— Ну показывайте.

Оперативники вошли в помещение по-хозяйски.

— А что вы хотите найти? — спросил Гарипов, суетливо доставая из ящика ключи.

— Увидите, — кивнул Грязнов, но его окликнул оперативник:

— Смотрите сюда!

Замок, закрывающий пирамиду с трехлинейками, был открыт.

— Ага, видим. — Грязнов обернулся к Линькову. — А у

вас есть свое место? Я не знаю, стол какой-нибудь?

— Есть-есть! — сказал Гарипов. — Вон там.

Денис взглянул на следователя, тот по-прежнему скучал. Тем не менее кивнул: дескать, давай, парень, все делай сам.

Грязнов надел резиновые перчатки, открыл ящики стола. Там были какие-то бумаги. Несколько стреляных гильз.

— Тут по описи три пулемета, — снова позвал оперативник. — А в шкафу только один!

— На съемках! — тут же подлетел к нему Гарипов. — Сегодня взяли.

— А в журнале ничего.

— Не успели. Сейчас. — Гарипов выхватил у оперативника журнал и стал быстро заполнять нужные графы.

Денис присел на корточки, заглянул под стол, сунул руку — выкатилась на свет пистолетная гильза. Грязнов кинул ее в специальный полиэтиленовый пакет.

Больше ни в столе, ни под столом ничего не было.

— Ну и бардак, — сказал Денис. — У вас же тут все разворуют! А вы и не заметите!

— Вуа! Обижаете, товарищ начальник, — обиделся Гарипов. — У Ильяса Гариповича все в порядке! Это вот берут на студию таких сопляков — потом беспорядки, — кивнул он на Линькова.

— Ты сам тут беспорядок разводишь, — огрызнулся Линьков.

— Ты молодой, да, помолчи!

— Чурка, — пробурчал Линьков.

— А это что? — спросил Грязнов, показывая на металлические пеналы в углу.

— Это шкафчики для одежды, — сказал Линьков.

— А ваш где?

— Вон его шкаф! — Гарипов ткнул пальцем в значок РНЕ на дверце. — Вы это видели?!

— Откройте.

— У него свои ключи. Пусть он и открывает.

— Ключи дайте. — Денис протянул руку к Линькову.

Тот нехотя подошел, открыл шкафчик.

— Вон туда встаньте, — отодвинул пиротехника Грязнов.

Линьков покорно отошел к стене.

Грязнов распахнул дверцу. В шкафу висела одежда — оранжевые куртки, жилеты, толстые черные штаны. Внизу стояли резиновые сапоги.

Грязнов сунул руку в один из них.

— Оп, — сказал тихо. — Понятые, подойдите сюда!

Оперативники и женщины подошли поближе.

Грязнов медленно, словно бомбу, вынул из сапога черный пакет.

— Что это? — спросил Линькова.

Тот испуганно помотал головой.

— Что это, Игорь?! — закричал вдруг Гарипов.

Грязнов положил пакет на пол и раскрыл.

Небольшой лоснящейся горкой в нем лежали патроны.

Боевые, настоящие.

— Стоять!!! — заорал Линьков.

В руках у него оказался пистолет, и этот пистолет был направлен прямо в голову Грязнову.

— Буду стрелять! Никому не двигаться!

Никто и так не двигался.

Линьков схватил за руку женщину и закрылся ею:

— Я убью ее! Если кто дернется, я ее убью!

Он попятился к двери, волоча женщину перед собой. Пистолет он направлял то в женщину, то в Грязнова, то в следователя, который, только теперь словно проснувшись, медленно потянулся рукой к поясу.

— Стоп! — просипел Грязнов.

— Вау! Убейте его! — взмолился Гарипов.

— Молчать, чурка! — закричал Линьков, он был уже у самой двери.

— Игорь, не дури, — предупредил Грязнов.

— Пошел ты на хер, сука!

Линьков толкнул спиной дверь и скрылся вместе с женщиной. Оперативники ринулись за ним, а вторая понятая истошно закричала.

Они выбежали в коридор и чуть не налетели на захваченную женщину. Та стояла на четвереньках, ошалело вертела головой и мычала что-то.

— Куда?! Куда он побежал?!

Женщина не отвечала.

— Не стрелять! — закричал вслед оперативникам следователь.

— Помогите ей! — попросил Грязнов выглянувшую из цеха вторую понятую, а сам бросился догонять оперативников.

Люди шарахались от них как от несущегося поезда. Коридоры изгибались, приводили в тупики, на какие-то темные лестницы, в огромные холлы или в темные подвалы.

— Вы не видели Линькова? — на бегу спрашивал Грязнов.

Но встречные только пожимали плечами:

— Кого?

— Не видели.

— В фотоцехе! — наконец ответил кто-то.

— Где?!

— На первом этаже.

— Где он?! Линьков где?! — Грязнов влетел в фотостудию.

Из подсобки выглянул человек:

— Уже ушел.

— Куда?

— В группу.

— Куда?!

Человек увидел пистолет в руках Грязнова. Быстро нашел на столе бумажку:

— «Вечерний блюз».

Грязнов бросился было к двери и вдруг остановился. Подошел к столу, прочитал написанное на бумажке.

— Этот, что ли, Линьков?

— Леньков, — поправил человек, — я имею в виду актера Ленькова. Он снялся и ушел. Минуту назад.

Грязнов посмотрел на стол, заваленный фотографиями. Актер Леньков с одной из них улыбался очень обаятельно...

Денис вышел наружу и устало опустил на скамью, очень похожую на вокзальную. Спрятал пистолет.

Мимо пронесли окно и дверь.

Появился следователь — потный и злой. Сел рядом.

— Я здесь совсем заблудился, — обидчиво сказал он.

— Довженко говорил — тут все криво, ничего не прямо, — усмехнулся Грязнов. — Остальные-то где?

— Бегают. А откуда у него пистолет взялся?

— Откуда? — улыбнулся Грязнов. — Там что, мало оружия?

— Думаешь, ненастоящий?

— Хорошо, что мы не успели это проверить. Я еще погуляю. Если поймают Линькова, позвоните, ладно?

— Спокойной ночи, — сказал следователь, поднимаясь.

— Ага.

Грязнов прошелся по дорожке, увидел парковку странных грузовиков. Постоял, посмотрел, двинулся дальше.

С некоторых пор он пристрастился к японской поэзии. Что-то было в ней странное, загадочное, какая-то скрытая философия. И Денис вдруг стал ловить себя на том, что иногда и сам начинает разговаривать в стиле хокку или танка. Вот и сейчас он задумчиво произнес:

Я заблудился в кривых коридорах.
Мимо проносят дверь и окно.
Только не выглянуть и не войти...

— Вас Денисом зовут? — спросил голос из темноты.

Грязнов резко обернулся.

— Михаил Вакасян. Я режиссер. Не пугайтесь.

Грязнов чиркнул зажигалкой, осветил лицо режиссера, прикурил.

— Эти машины давно не ездят. А вон там раньше Венеция была, — сказал Вакасян. — Да-да, настоящая, с каналами, дворцами. Правда, фанерными. У нас даже самолеты есть. Правда, не летают.

Они пошли по дорожке, Вакасян зябко сутулился.

— В странный мир вы попали, молодой человек. Не мир, а одна видимость.

— Максимов вот рассказывает, что это его хотели убить...

— Плюньте. Он актер. Это — «письма темных людей». У них в профессии по определению — быть наивными. Он ведь вам говорил про молодых, что ему завидуют, да?

— Что-то вроде этого.

— Полузавидуют-полуненавидят-полулюбят. А вон там цех обработки пленки, — показал Вакасян на светящиеся окна. — Завтра будет готов материал. Посмотрите?

— Ну да! — встрепенулся Грязнов. — Вы же снимали.

— Увы, смерть-то мы как раз и не снимали. Снимали ими-

тацию. Притворство одно снимали.

— А вы... не любите свою работу, — полуутвердительно спросил Грязнов.

— А вы?

— Я первый спросил, — улыбнулся Грязнов.

— Нет, я ее люблю, — спокойно сказал Вакасян. — Если бы не работа, я бы помер давно. Да и не жил бы никогда. Вот ведь странность — все здесь полужизнь-полусмерть, а...

— А Кирилл?

Вакасян даже остановился:

— Не понимаю! Этого не понимаю. Я уже сорок лет на студии. Смешные, странные, сумасшедшие люди, но чтоб убить...

— Никто?

— Никто.

— Совсем-совсем никто?

— Совсем.

— Ну тогда я домой, — сказал Грязнов.

— Я тоже.

— Я думал, у вас съемка ночная.

— Нет, я вас искал.

Они вышли к проходной.

— Да, — сказал Вакасян. — А вы пленку еще не смотрели?

— Вы ж сказали — завтра.

— Нет. Там на площадке чья-то жена снимала. На видео.

— Чья?

— Не моя — точно.

— Ну что?.. А на квартиру ходили?.. Ясно. И еще — у вас есть списки? Ну всех — свидетелей, что находились в павильоне? — спрашивал по телефону следователя Грязнов, вырвав на Бережковскую набережную. — Всех-всех. Диктуйте... Нет, дальше. Дальше. Стоп. Повторите? Костенко и раньше был Костенко. Ага. Олег и Ольга. Адрес есть?

Грязнов круто развернул машину и повел ее в другую сторону. Вылетел на Минскую улицу, погнал в сторону Матвеевского.

— Четыреста сорок три двадцать два двадцать два, — приговаривал он, набирая на мобильнике номер.

«Занято» — высвечивалось на дисплее после пикирования.

Грязнов бросил телефон: он уже подъезжал к нужному дому.

Дверь распахнулась. На пороге стоял актер, которого Грязнов уже видел на съемочной площадке.

— А я знал, что вы приедете, — улыбался он.

12

Линьков перепрыгнул через забор и стал тихонько пробираться к административному зданию. В руке у него по-прежнему был пистолет.

Он открыл дверь, спрятал пистолет в карман куртки. Воровато огляделся и вошел в коридор студии.

Линьков подошел к пиротехническому цеху, прислонил ухо к двери. За дверью было тихо.

— И где мы сейчас возьмем скрипку? — услышал Линьков голоса спускающихся по лестнице.

— Звони Каратыгину. Пусть студентов шлет.

— Так мы до утра будем писать какие-то три такта!

— А так вообще не напишем!

Линьков вжался в стену.

Мимо прошли, не взглянув на него, двое.

— Я всегда говорил — композиторов на запись не пускать!

— Ты это Калачеву скажи...

Линьков отлепился от стены и взялся за ручку двери.

— Да не за что, — улыбался актер. Жена его тоже мило улыбалась. — Мы уже вдоль и поперек просмотрели — ничего там нет.

Грязнов сунул кассету в карман:

— И все-таки спасибо.

Из машины снова позвонил следователю:

— Это опять я. Телефон режиссера дайте, пожалуйста. Ага, Вакасяна. Вы уже спали, что ли? А который час? Правда? — Грязнов сам взглянул на часы. — Извините, ё-моё! — Однако он снова набрал номер на мобильнике: — Алло, Михаил Тигранович? Это Грязнов беспокоит... Я не поздно? Извините. Вы смогли бы завтра посмотреть со мной ту пленку. Да, ее самую... Нашел... У Костенко... Отлично... А сегодня?.. Ясно, извините.

Возле своего дома он был через полчаса. Обидно, что на сегодня все дела кончились. Но ему показалось, что он все равно не сможет заснуть.

Ведь убили его товарища...

Денис вышел из машины, запер дверцу. Кто-то шагнул к нему из темноты.

— Сергей Петрович? — почему-то даже не удивился он.

— Не спится, — сказал Морозов. — Ну что накопал?

— Так, полувидимость, — улыбнулся Грязнов. — Полу-

жизнь-полусмерть...

— Кино, — уважительно произнес Морозов.

14

Денис умылся, выпил кофе, вышел на балкон покурить. В доме напротив, тоже на балконе, мерцал огонек сигареты.

Денис знал, кто сейчас там стоит. Он знал этого человека, пожалуй, столько же, сколько и Кирилла. Но говорить с этим человеком он не хотел. Он этого человека ненавидел.

В цеху было темно. Но Линьков свет зажигать не стал. Подошел к своему столу, нагнулся, сунул под него руку, ощупал днище тумбы и отклеил плоский пакет. Сунул пакет в карман. Встал.

И в тот же момент где-то совсем рядом пронзительно заскрежетало железо.

Линьков вскрикнул. Бросился к двери.

Но кто-то сильным ударом свалил его с ног.

Драка была жестокая и бессловесная, трое накинулись на Линькова в полной темноте. Сопя и гыкая, вкладывали в удары всю силу.

Линьков, вывернувшись из-под навалившихся тел, откатился к двери, вытащил пистолет и не глядя три раза пальнул в черные фигуры.

Один корчился на полу. Двое других отскочили, закрывая головы руками.

— Не стреляй, брат, не стреляй! — завопили они.

Линьков снова нажал на курок, но, видимо, патрон перекосило.

И тогда две фигуры отлепились от стены и двинулись на Игоря. Но Линьков уже выбежал в коридор, захлопнув за собой тяжелую дверь пиротехнического цеха. И в тот же момент за дверью громко бабахнуло.

Линьков летел по коридорам, утирая с лица кровь, пистолет он все так же держал в руке.

Глава вторая

1

— А это кто?

— Это «светик», Денис. Ну осветитель. Он ушел как раз за лампой. — Морозов нажал на клавишу «пауза». — Юпитер перегорел, а запасные кончились.

— Кто перегорел? — переспросил Грязнов.

— Осветительный прибор. — Вакасян махнул рукой. — Неважно.

Морозов опять нажал на «пуск». И опять изображение запрыгало по экрану. Снимал любитель, ездил камерой туда-сюда так, что ничего нельзя было толком разглядеть.

— Вот тут что? Отмотайте, — попросил Грязнов.

Кадры побежали назад. И опять двинулись вперед, на замедленной скорости, дергаясь, как в стробоскопе.

Они сидели в аппаратной телестудии — есть и такая на «Мосфильме». То и дело входили какие-то озабоченные люди, к чему Денис все никак не мог привыкнуть, что-то брали, о чем-то спрашивали и исчезали. Жизнь тут не останавливалась ни на минуту, казалось, что разобраться в этом кипящем вареве никогда не удастся. А вот Денису как раз и предстояло расхлебывать эту кашу.

— Лена Медведева... Ксюша... Это Галка, гримерша. —
Вакасян тыкал пальцем в монитор, указывая на размытые
фигуры. — А это у нас кто? Это у нас я.

Денис пристально вглядывался в экран монитора.

— Вот, вот Линьков. — Морозов опять нажал на «паузу».
— Около шкафа.

— Ну и что? — Вакасян махнул рукой. — Это еще репе-
тиция, до первого дубля.

— Да, правильно.

— Поехали дальше.

Грязнов наблюдал за Морозовым и Вакасяном. Вообще у
него складывалось такое впечатление, что это они расследу-
ют убийство, а Денис просто зашел посмотреть, как это де-
лается.

— Так, вот это уже съемка. — Вакасян откинулся в крес-
ле. — Смотрим...

Виктор Максимов долго метался по комнате, подходил к
шкафу, снова отходил, потом что-то писал на клочке бумаги,
у него ломался карандаш...

— Наигрывает, как собака! — взорвался вдруг Вакасян.
— Нет, ну ты мне скажи, разве это хороший актер? Разве
его можно сравнить с молодым Баталовым или даже с тем
же Куравлевым? Да у него же только и всего, что мордашка
конфетная. Разве не так?

— Михал Тиграныч, я не по этой части. — Грязнов вино-
вато пожал плечами. — Разрешите мне...

— Да, конечно, извините, — Вакасян вздохнул. — Сергей Петрович, перемотайте.

Морозов отмотал немного назад. Актер, написав записку, наконец вынул пистолет. Приставил к груди, потом к виску, сунул в рот...

— Ну ведь просил же его не превращать это все в дурацкую трагедию, любовь любовью не играют!.. — Вакасян раздраженно хлопнул себя по колену. — Нет, блин, Макбета разыгрывает!

Когда актер наконец нажал на спусковой крючок, Грязнов даже вздрогнул, как будто ожидал выстрела.

«Стоп! Снято!» — закричал Вакасян, только не настоящий, сидящий рядом, а тот другой, на телевизионном экране.

«Печатать?»

— Это «хлопушка», помреж, — пояснил режиссер.

Дальше не было слышно, потому что камера опять принялась гулять по павильону и по лицам людей. Кто-то переговаривался, кто-то двигал осветительные приборы, отчего по полу плясали тени, операторша трепала за шиворот техника, который был крупнее ее раза в полтора.

«Не подходите к оружию, сколько можно просить!» — слышался голос Линькова.

Камера дернулась. И опять павильон заплясал, запрыгал. И опять пришлось смотреть на покадровом.

— Это Вадик, супер наш. Это Ксюша опять, бедная, за-

мерзла в своем декольте, — начал снова перечислять Вакасян. — Это опять Лена. А чего она вообще-то здесь делает? Зачем приходила? — вдруг удивился он.

— Не знаю. — Морозов пожал плечами. — То ли к мужу, то ли к Варшавскому. У нее с Варшавским какие-то дела были.

Камеру вдруг положили набок, но забыли выключить. Была видна часть павильона с тем самым шкафом, в котором оружие. Теперь по комнате уже метался Кирилл, доказывая что-то то ли актеру, то ли режиссеру с продюсером, то ли самому себе. Деловито вжикая рулетками, передвигались ассистенты оператора, реквизиторы поправляли на столе пепельницы, костюмер на ходу что-то подшивал прямо на актере, помреж заполняла монтажные листы. Почему-то вдруг все заволокло дымом, потом дым рассеялся так же быстро, как и появился. Кирилл схватил пистолет и... прогремел выстрел.

— Давайте опять на покадровом. — Денис впился взглядом в экран.

Кирилл, теперь уже медленно, подошел к шкафу, поднес пистолет ко лбу, сказал что-то.

— Еще раз, — попросил Денис.

Медленно вынул пистолет, сказал, поднес ко лбу и...

— Что он сказал?

Пустили изображение еще раз, прибавили звук. Сквозь шум слышали:

«Весело, понимаешь, ты уже все знаешь наперед, тебе уже

все по фигу...»

— Еще раз, — попросил Грязнов.

Кирилл вынул пистолет, поднес ко лбу и...

— Ничего не понимаю. Он взял тот же пистолет, что и Виктор. Это что, фокус? Давайте с начала.

— С самого начала? — переспросил Морозов.

— Нет, с начала первого дубля.

Люди в убыстренном темпе побежали задом-наперед. Вскочил оживший Кирилл, сунул в шкаф пистолет, вприпрыжку заметались ассистенты оператора, пыхнуло дымом, Ксюша скинула толстовку...

И опять Виктор картинно метался по комнате, не находя себе места в душевных терзаниях, опять ломал карандаш... И опять вынул пистолет, приложил ко лбу...

Запиликал сотовый телефон. Грязнов с Вакасяном вздрогнули и принялись хлопать себя по карманам. Виктор на экране застыл в ожидании.

— Это мой, — Грязнов выудил трубку из кармана куртки. — Алло... Да, уже еду!

Он вскочил и бросился было к двери, но вернулся и нажал на кнопку пульта. Магнитофон выплюнул кассету.

— Это я заберу. — Денис затолкал ее в футляр.

— А что случилось? — словно забеспокоился Морозов.

— Линькова взяли. Вернее, не взяли — сам пришел. — Денис спрятал кассету в карман и выскочил из комнаты.

Левый глаз у Линькова заплыл так, что осталась только щелка. Треснувшая губа распухла, и он морщился от боли каждый раз, когда затягивался сигаретой.

— Не я это, честное слово, не я, гражданин следователь, — канючил он, шмыгая носом и размазывая по лицу сопли. — И патроны эти не мои.

Денис разглядывал физиономию парня с любопытством, смешанным с брезгливостью.

— Я и не заряжал его ничем, и перед съемками проверил. — Бычок плясал в трясущихся пальцах паренька.

— В сапоге твоём патроны нашли. — Следователь вынул из ящика стола прозрачный пакет с патронами и кинул на стол. — Вот эти. А пуля от одного из подобных в голове у Кирилла Медведева. Ну?

Линьков увидел патроны и вдруг разревелся чуть ли не в полный голос.

— С этих уже отпечатки сняли. — Следователь помахал перед его носом пакетом с патронами и кинул обратно в ящик. — Сейчас с остальных снимают. Если хоть на одном твой пальчик найдут...

— Нет там моих пальчиков, гражданин следователь! — перебил его Линьков. — Честное...

— Пионерское? Или комсомольское? — вставил Грязнов,

заметив, что на рукаве куртки у этого Линькова грубыми стежками пришита эмблема РНЕ. — Или какое? Или, может, перекрестишься?

— Нет там моих пальцев! Я этого пакета даже в глаза не видел! Я даже не знаю, как он!..

— Кто это тебя так? — перебил следователь Линькова.

— Что?.. А-а, это Ильяс со своими хачиками. — Линьков осторожно потрогал разбитую губу.

— Сколько их было?

— Трое. Он и еще два...

— Ну рассказывай. Все по порядку рассказывай.

Денис достал диктофон, спросил у следователя:

— Вы не против, если я...

Тот кивнул.

— Записывайте, гражданин следователь, все записывайте,

— затряс головой и Линьков.

— Тогда вперед. — Грязнов подмигнул Линькову.

— Зарабатываем баллы, — сказал следователь весело. —

Расскажешь все — и свобода нас встретит радостно у входа.

— Я давно уже знал, что он пушки точит. Не знал, вернее, а догадывался. — Линьков раздавил в пепельнице окурок и тут же закурил другую сигарету. — И эти его черножопые все время там крутились. А однажды я его застал даже, когда он пушку втяхивал одному.

Зазвонил телефон, следователь, коротко переговорив, метнулся к двери:

— Денис, ты сам, ладно? Потом дашь послушать. — И ушел. Линьков с Грязновым остались один на один.

— Продолжай.

— Этих черножопых вообще гнать из Москвы надо, все беды от них.

— Ты не отвлекайся, не отвлекайся, — Денис нажал на «паузу», — и вообще, я сразу хочу предупредить, что я интернационалист. Помнишь такое слово?

Линьков осекся.

— Так Гарипов что, вкладыши в цеху делал для газовых пистолетов?

— Ну да.

— Тебя не привлекал к этому рукодельству?

— Да стану я с этим черно...

— ...Волосым.

— ...черноволосым связываться. — Линьков дернул плечами.

— А почему вчера побежал?

— Ага, докажи вам, что я не верблюд! Этот пакет он сам ко мне в сапог сунул. Наверняка. А я в эти сапоги год, может, не заглядывал. Нужды не было.

— Врешь. — Грязнов улыбнулся. — Один штрафной балл. Ты за пушку схватился, как только мы его из твоего шкафчика вынули. Значит, знал, что там. А минуту назад сказал, что в глаза этот пакет не видел.

— Ну знал. — Линьков опустил глаза. — Больно мне надо

за него мотать.

— Ну сразу почему не донес, как узнал про патроны, я даже не спрашиваю. — Денис покачал головой. — Ты ведь не стукач, правда?

— Не стукач.

— Ладно, дальше давай.

— А чего — дальше... До вечера по чердакам прятался, а как стемнело, залез на «Мосфильм», в цех.

— На «Мосфильм»? — удивился Грязнов. — Зачем?!

— Ну это... — Линьков покраснел. — Бабки я там заныкал. Хотел взять, думал, в Таганрог к деду уехать... А там Гарипов со своими...

— В Таганроге? С какими своими?

— Не. В цеху. С хачиками.

— Так это они тебя так? — Денис кивнул на заплывший глаз Линькова.

— Нет, блин, споткнулся! — зло хмыкнул Линьков. — Ясное дело, они. Я вхожу, а их там три человека, гавкают что-то не по-нашему. Как меня увидели, так сразу и накинулись. Еле отбился. Взрывпакет схватил со стола, чеку выдернул и...

— И что?

— Да хрен его знает. — Линьков пожал плечами. — Ильяс сразу под стол полез, они за ним, а я выскочил и убежал. Как выскочил, так там рвануло маленько.

Вернулся следователь.

Денис пересказал ему только что услышанное, тот схватил

телефонную трубку и набрал номер:

— Алло. На квартиру к Гарипову, срочно! И давай бригаду, на «Мосфильм» поедем... Ну, значит, сам собирайся...

Дверь пиротехнического цеха распахнулась, и помещение рассек луч света. И только потом оно осветилось полностью.

— Да, похоже был тут взрыв. — Грязнов огляделся.

— Вова, дуй за экспертами, — приказал следователь. — Антон, проследи, чтобы не мешали.

— Сделаем. — Здоровенный оперативник загородил широкой спиной вход.

Пол был усеян осколками битого стекла, какими-то тряпками. Грязнов присел над небольшой лужицей, вытекшей из-под большого стола. Окунул палец, и тот оказался в крови.

— Похоже, что не врёт, — задумчиво сказал Денис.

Следователь тоже сунул палец в лужицу, вытер платком и вынул из кармана сотовый телефон:

— Алло, это я. Узнай мне все по травмам на вчерашний день. Ориентировочно на... во сколько стемнело у нас вчера?.. вот и напиши — после двадцати трех. Ищем Гарипова Ильяса или кого-нибудь, кто пострадал от взрыва... Да, это срочно... А я что могу поделывать? Я людей тоже не делаю, но я их и не ем, между прочим...

На улице светило солнце. Грязнов закурил и присел на скамейку. Мимо то и дело проходили люди. И сразу можно было отличить тех, кто тут впервые, от тех, кто работает здесь долго. Пришедшие впервые с интересом и любопытством вглядывались в каждое лицо, надеясь узнать какого-нибудь знаменитого артиста. Старожилы же не замечали никого вокруг, передвигались исключительно трусцой, успевая при этом пить кофе из пластмассовых стаканчиков и громко разговаривать друг с другом.

Неожиданно Грязнов увидел вдалеке Успенскую, оператора из группы Вакасяна. Она быстрым шагом шла по дорожке, за ней еле поспевал высокий широкоплечий мужик, которого она лупила через каждые семь-восемь шагов. Останавливалась, разворачивалась и начинала лупить. Мужик прикрывался огромными ручищами, испуганно улыбался, как нашкодивший ребенок, и что-то пытался ей объяснить. Но она опять шла, вдруг разворачивалась и начинала лупить снова.

Грязнов двинулся им навстречу:

— Добрый день, Людмила Андреевна.

— Здравствуйте! — Успенская развернулась так, будто хотела врезать и ему. Но вовремя узнала.

— Я по поводу пленок хотел спросить. — Грязнов с интересом разглядывал здорового мужика, который, кажется,

уже готов был расплакаться. Его он уже видел на площадке.
— Как, не проявили еще?

— Какие пленки? — Успенская напряглась. — А, эти... Нет, пока не проявили. — И, развернувшись к мужику, неожиданно вежливо попросила его: — Коленька, сходи в павильон, проверь камеру.

— Что проверить? — то ли не расслышал, то ли не понял ее «Коленька».

— Камеру, — повторила она чуть ли не по слогам. — Проверь ка-ме-ру! Иди, Коленька.

И «Коленька» послушно ушел.

— А когда будут готовы? — поинтересовался Грязнов, проводив его взглядом.

— Не знаю. — Успенская пожала плечами. — Дня через три-четыре, а может, и позже.

— Позвоните мне, пожалуйста, когда напечатают. — Грязнов вынул из кармана визитную карточку и протянул ей: — Вот. Это рабочий, а это мобильный.

— Я позвоню, конечно, только вам зачем? — Женщина пожала плечами. — Там же нет ничего такого.

— Ну если нет, значит, нет. Но вы все равно позвоните, хорошо?

— Конечно, раз это так важно! — Она опять дернула плечами и, кивнув, быстро зашагала ко входу в корпус.

Мимо, тихо шурша колесами, проплыла машина Варшавского. На заднем сиденье лежал траурный венок. А вслед за

машиной ехал милицейский «уазик».

— Взрыв был примерно грамм на сто в тротиловом эквиваленте, — сказал эксперт, парень в толстенных очках, в которых глаза казались непропорционально большими. В резиновых перчатках он что-то очищал кисточкой и оклеивал пленками. И, буквально его толкая, двое дюжих оперов пытались ломami вскрыть огромный железный шкаф, вмонтированный в стену.

— Но кроме того, имеются вон там и вон там пулевые отверстия, — эксперт ткнул пальцем в стену, — стреляли от двери.

— Нашли что-нибудь кроме этого? — Грязнов вертел в руке три гильзы.

— Нет. Пока ничего. Вот сейчас шкаф взломаем и...

В этот момент дверь шкафа со скрежетом распахнулась и один из оперов, потеряв равновесие, полетел на пол...

Когда отхохотали и отчистились, начали настоящий обыск.

— Два газовых пистолета с распиленными стволами, третий — нетронутый. — Эксперт, как фокусник, помахивал оружием перед глазами понятых. — Коробка с боевыми патронами к пистолету системы «макаров», три коробки с газовыми патронами к пистолету той же марки.

Грязнов тем временем внимательно рассматривал следы

от выстрелов на стене.

— Как думаете, откуда стреляли? — спросил он у эксперта.

— Ну, судя по всему, вон оттуда. — Парень кивнул на дверь. — Гильзы нашли вон там на полу, так что если предположить, что это именно те, то стреляли как раз от двери.

— А как давно?

— Не позднее вчерашнего вечера. Если судить по запаху гильзы. К завтрашнему утру скажем точнее.

— Нашли Гарипова! — крикнул кто-то.

Грязнов умоляюще посмотрел на следователя, и тот благосклонно кивнул.

Они долго шли быстрыми шагами по длинным и гулким кафельным коридорам больницы. Денис, следователь, двое оперов и длинноногая, с пышным бюстом медсестра в белом халатике, который совсем ничего не прикрывал, а даже скорее наоборот.

— Привезли вчера около половины первого ночи, — бормотала она, стараясь шагать рядом с Денисом, которому казалось, что она явно симпатизирует ему. — Привезли на серой «ауди», машина осталась стоять на стоянке.

— Сколько форм одного слова. — Денис улыбнулся. — «Осталась стоять на стоянке». Богат великий русскому языку!..

— Вова, проверь, — приказал следователь.

— Есть. — Оперативник развернулся и так же быстро зашагал в обратном направлении.

— Кто привез? — Денис галантно подхватил медсестру под ручку. — Документы проверили? С кем они разговаривали?

— Со мной. Я тогда только заступила. — Девушка свернула в очередной коридор, увлекая за собой Грязнова. — Ввалилось двое черно...

— Кавказцев?

— Ну да, кавказцев... Сказали, что на улице подобрали

раненого и привезли. Ключи от его машины бросили и ушли. Я даже спросить ничего не успела.

— Как они выглядели, описать сможете?

— Ну-у... постараюсь. — Девушка пожала плечами и осталась у одной из дверей: — Вот его палата.

— И последний вопрос.

— Какой?

Грязнов улыбнулся и многозначительно подмигнул.

— В смысле? — не поняла медсестра. — А-а... — догадалась наконец. — Нет, спасибо, у меня уже есть бойфренд.

— Сами не знаете, что теряете. — Грязнов вздохнул и открыл дверь.

Гарипов лежал на кровати, весь перебинтованный и обвешанный капельницами. Рядом тихонько пикал монитор.

— Он что, без сознания? — тихо спросил Грязнов, глядя на красное от ожогов лицо.

— Ну скажем так — он в полубморочном состоянии. Потерял слишком много крови, думали, что вообще вряд ли выживет.

— Так что ж вы сразу не сказали? — следовательно удивленно посмотрел на медсестру.

— Но вы же не спрашивали, — невинно улыбнулась та.

— Когда его можно будет допросить?

— Не раньше чем через день-два. Пока врач не разрешит.

— Понятно. — Денис снял со спинки кровати историю болезни. — А когда он будет в состоянии передвигаться?

— Это вообще не скоро. — Девушка тоже перестала улыбаться и теперь говорила серьезно. — Два пулевых ранения — одно в грудь, второе в руку. Лицо обожжено. И потом, он слишком слаб. Ничего определенно сказать не могу.

— Понятно. — Грязнов повесил планшет с историей болезни на место.

— Никого к нему не пускать, не давать ни с кем разговаривать, никаких посетителей, никаких звонков, — приказал следователь.

— Как скажете. — Девушка поправила на Гарипове одеяло. — Вернее, как прикажете...

— Взрывпакет? — Следователь навис над перепуганным Линьковым, который порывался подняться со стула, но никак не мог. — Ты говоришь, взрывпакет? А два пулевых ранения?

— Какие еще ранения?

— Пу-ле-вые! — прокричал следователь Линькову в самое ухо два раза подряд. — Пу-ле-вые! Откуда?

— А я почему знаю?

— По рублю с полтиной! Где пушка? Я спрашиваю, пушку куда девал?

— В пруд выкинул! — не выдержал Линьков и опять разревелся. — Не виноват я, правда, не виноват.

— Сейчас как... — замахнулся следователь, но Денис остановил его движением руки.

— Так что же, получается, у тебя это все само собой вышло? — Денис достал сигарету. — Мы, конечно, проверили тебя. Двадцатилетний радикально настроенный парубок, состоящий в полуармейской организации профашистского толка...

— Неправда, мы не фашисты! Мы...

— Бабушек через дорогу переводите, конечно! — Денис сурово посмотрел на него. — Так вот, состоя в фашистской организации, ты устроился в пиротехнический цех и сделал

себе пушку, так? Давай лучше сразу колись. К тебе поедем, весь дом перевернем. Вот мать обрадуется! Мать у тебя есть?

— Ну мой это был, мой! Сделал себе года два назад.

— С целью?

— Да по банкам я стрелял. В смысле по стеклянным банкам. Выезжал за город и по банкам стрелял.

— Еще оружие есть? — спросил следователь.

Линьков замолчал и опустил голову.

— Уснул, гитлерюгенд? Есть или нет?

— Шмайссер дома на чердаке.

— Боевой?

— Да, боевой.

— А из него по чему стрелять? По посольствам?

Линьков промолчал.

— Ну вот видишь. — Денис хлопнул его по плечу. — Когда сознался, и самому легче стало. Ведь стало?

— Ну...

Денис жестом показал следователю, что парень, дескать, сдался.

— Рассказывай, как на самом деле было, — тут же вступил следователь.

Линьков закурил новую сигарету.

— Я пушку не в цеху держал, а дома, на чердаке. Пока матери не было, забрался и достал. Ваши приехали уже, но они ж в квартиру ломались, а я тихонько по крыше в соседний подъезд перебрался и ушел. Потом, когда на «Мосфильм»

пришел, а эти меня дубасить в цеху начали, я пушку выхватил и пальнул несколько раз. Ильяс на пол упал. Остальные двое сначала тоже отскочили, но у меня заклинило.

Денис внимательно слушал.

— Эти двое сначала шуганулись, но как сообразили, что пушку заело, опять на меня поперли. Тогда я взрывпакет, за которым и пришел, кинул в них.

— Дальше мы знаем. Смотри, Линьков. Завтра-послезавтра Гарипов оклемается, и мы его тоже допросим. Вот здорово было бы, если бы он то же самое сказал, как думаешь? А то про бабки какие-то байки рассказываешь...

— Не знаю, чего он вам наговорит. — Линьков сердито пожал плечами. — Я в туалет хочу.

— Сейчас пойдешь. Только еще на один вопрос ответь. Ты Максимова грохнуть хотел или Медведева?

— Никого я не хотел грохать, гражданин следователь... Я и сам не знаю, как это все приключилось.

— Но как-то ведь приключилось. — Грязнов вздохнул. — Ты же за оружие отвечаешь. Вот давай и расскажи, как это могло произойти.

Линьков молча сидел и разглядывал свои длинные грязные ногти.

— Ты говоришь, что от шкафа не отходил, что все время был рядом, так?

— Ну да, так.

— А вот теперь вспомни, кто к оружию кроме тебя вооб-

ще на площадке прикасался?

— Никто. Только я и Максимов. А там вообще другой пистолет был.

— Только ты и Максимов... И куда же тогда этот другой пистолет пропал?

— Максимов... — Лена Медведева медленно перебирала бахрому кружевного траурного платка, который ей абсолютно не шел. — Это он отдельный венок прислал и оркестр заказал. Даже тут не выпендриться не мог.

— Ну почему, может, он от всей души?

— Ну да, ну да... — Лена покачала головой. — Максимов — и от всей души!..

Она то и дело кивала людям, которые медленно подплывали к ней, брали за локоток, смотрели печально в глаза и так же медленно отплывали.

— Соболезную... Соболезную... Соболезную...

Они стояли на автобусной площадке возле крематория. Рядом находились еще три подобных группы.

— У них там авария какая-то по дороге случилась. Теперь вот ждем. — Лена посмотрела на часы и огляделась. Почти вся съемочная группа была здесь. Вакасян, как самый главный, что-то деловито медленно рассказывал, остальные слушали. Заметив Дениса Грязнова, Вакасян почему-то подмигнул ему. Денис кивнул в ответ.

— Со священником так глупо получилось. — Лена вздохнула.

— А что такое?

— Никак нельзя его убедить, что это был несчастный слу-

чай, а не самоубийство. Бред какой-то.

— И что, поэтому отпевать отказался? — удивился Денис. Лена опустила голову.

На площадку вкатил новый автобус, из которого вышли отставшие по дороге знакомые и друзья покойного Кирилла Медведева.

— Сколько их! Я при жизни никого и в глаза не видела, — покачала головой Лена и повернулась к Денису. Но того уже не было.

Дверь отворилась, и Денис тихо вошел в храм. Несколько старушек деловито переставляли свечки, какая-то мамаша на ухо рассказывала своему чаду про святых, показывая пальцем то на одну икону, то на другую.

— Скажите, а батюшка где? — шепотом спросил Денис у одной из старушек.

— А зачем тебе батюшка? — Та смерила его настороженным взглядом.

— Мне лично вам рассказать или можно все же сначала поговорить с ним?

— В алтаре он. — Старушка показала пальцем на небольшую дверь.

Батюшка, небольшого роста мужчина лет пятидесяти, сидел на лавке и зашнуровывал ботинки, когда в дверь тихо постучали.

— Добрый день. — Грязнов приотворил дверь и заглянул

в алтарь.

— И вам добрый. — Батюшка разогнулся и встал. — Вы ко мне?

— Да, к вам. — Денис вошел и закрыл за собой дверь. — Мы тут хороним одного человека, но мне сказали, что его почему-то нельзя отпевать. Вы не могли бы...

— Это тот писатель, который покончил с собой? — Батюшка насупился. — Нет, не могу. Церковь не отпевает самоубийц.

— Дело в том, что это был несчастный случай. Он совсем не собирался, просто пистолет, который...

— А вы, собственно, кто? Вы его родственник?

— Нет, я... я веду это дело. — Денис вынул из кармана удостоверение частного сыщика и протянул священнику.

— А-а, так, значит, это был несчастный случай? — обрадовался священник. — Ну тогда совсем другое...

— Во всяком случае, никак не самоубийство.

— Но если у вас нет твердых доказательств, то почему вы убеждены, что...

— А почему вы убеждены, что беседуете с Богом? У вас тоже есть твердые доказательства, что он охотно отвечает на все ваши вопросы? Вы же хотите, чтобы люди верили вам. Так как насчет того, чтобы самому разок поверить людям?

И он с силой захлопнул дверь.

Батюшка догнал его, когда Денис выходил из церковной ограды.

— Погодите, я быстренько соберусь. Три минуты...

Когда Денис вернулся в крематорий и сказал, что можно везти тело в церковь, где их ждут через полчаса, Лена подошла к нему и сжала его руку.

— Спасибо. Пойдем, надо еще документы оформить, урну выбрать. Мы успеем?

— Успеем.

— Мне с вами можно? — поинтересовался вынырнувший словно из-под земли Варшавский.

— Конечно.

Они медленно двинулись по направлению, которое указывала стрелка.

— Вот эта восемьсот, эти по триста, от этой до этой по сто пятьдесят, а эти по двести. — Женщина тыкала пальцем в урны, стройными рядами стоящие на полках шкафа. — Эти пластиковые, это никелированный цинк, а эти из мрамора. Если купите две, то можем сделать скидку на тридцать процентов.

— А зачем нам две? — удивился Варшавский.

— Ну как... — Женщина пожала плечами. — Если второй супруг захочет быть погребенным в такой же урне, что и первый, то...

— Второй супруг туда пока не собирается. — Варшавский вынул из кармана бумажник. — Ну, Лен, какую хочешь?

Лена пожала плечами:

— Да какая разница?

— Ну эти дольше хранятся, эти легче и прочнее, эти сохраняют герметичность сто лет.

Денис рассматривал ряды урн. И вдруг вспомнил про точно такие же ряды пистолетов в шкафу на «Мосфильме».

— Сто лет? — Варшавский улыбнулся. — То есть через девяносто пять я могу прийти, да, и...

— Марик, перестань. — Лена строго посмотрела на него.

— Извини. — Продюсер ткнул в одну из урн. — Вот эту дайте.

— С вас две девятьсот пятьдесят, — сказала женщина.

— Вы же сказали, восемьсот.

— Простите, их просто перепутали. — Продавщица мигом поменяла две соседние урны местами.

Перед глазами Дениса снова мелькнули ряды пистолетных рукояток на полке шкафа...

— Лена, я на поминки подъеду, ты не против? — прошептал он ей на ухо и тихонько вышел.

Застонав тормозами, машина остановилась перед подъездом детективного агентства «Глория». Грязнов выскочил из нее и, пробежав через холл, стремительно вошел в свой кабинет.

— Вы чего не на поминках? — удивился Самохин, входя за ним следом.

— А ты чего не дома? — Денис открыл свой сейф и вынул видеокассету. — Нашел чего-нибудь?

— Двух тараканов. Оба при попытке к бегству были убиты.

— Посадят тебя за превышение необходимой обороны. — Денис запер сейф и вернулся в холл.

— Ну зачем?! — хором взвыли агенты-помощники, когда он нажал на кнопку выброса кассеты и вместо извивающейся в пароксизме страсти тетки, на немецком языке кричащей что-то двум парням, которые стегали ее плетками, на экране появился бодро шагающий по кочкам Винни-Пух.

— Вы ведь женатые люди, — Грязнов сунул в видик свою кассету, — а смотрите какую-то порнуху.

— Поэтому и смотрим! — захохотали агенты.

— Ну хоть новую купите. Эта же тетка старше, чем ваши мамы. Так, ребята, перекурите пока, можете отчеты написать, а мне для работы видик нужен. И вообще, у вас что,

дел нет?! — громыхнул он.

Помощники нехотя потянулись из холла...

Вообще-то в агентстве работало мало народа, но иногда Грязнову приходилось нанимать агентов-топтунов, которые помогали раскручивать какую-нибудь ситуацию, которая требовала наружного наблюдения. Только что агентство закончило одно такое дело, а теперь началась большая операция по отслеживанию жены некоего высокопоставленного чиновника, который подозревал ее, нет, не в измене, а в том, что она вместо него берет взятки.

Денис сунул кассету, нажал перемотку и «пуск».

На экране Максимов щелкнул пистолетом.

«Стоп! Снято!» — закричал Вакасян.

«Печатать?» — спросила помреж.

Грязнов снова нажал на перемотку, и все побежало назад. До того самого момента, как Максимов взялся за ручку пистолета. Грязнов нажал на «паузу».

Вынув в четвертый по счету раз пистолет, Максимов принялся приставлять его к разным частям тела. Но при ускоренном просмотре его психологические и душевные муки выглядели как ужимки и прыжки забавной обезьянки...

«Стоп! Снято!» — прокричал Вакасян в очередной раз.

— Печатать? — пробормотал Грязнов, когда изображение снова побежало вперед. До того самого момента, как Максимов положил пистолет в оружейный шкаф. Положил он его на то же самое место.

— Ничего не понимаю. — Денис снова и снова отматывал пленку — Максимов возвращал пистолет на то же самое место. И потом, после толчеи, Кирилл вынимал тот же пистолет, который до этого был в руках у Виктора.

Грязнов остановил движение, и изображение замерло на облаке неизвестно откуда взявшегося дыма. Тогда он нажал на кнопку покадрового показа.

Облако дыма, дергаясь, постепенно испарилось.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. — Грязнов пересчитал пистолеты на верхней полке шкафа.

Снова нажал на кнопку, и облако дыма проползло назад.

— Раз, два, три... Шесть. — Денис нервно сглотнул. — Шесть.

Он опять запустил пленку. После того как дым рассеялся, пистолетов оказалось семь. А перед тем как появился дым, их было шесть.

— Вот оно... — Грязнов прокрутил немного назад. — Вот оно!

Рядом с оружейным шкафом стоял Максимов и что-то вынимал из кармана. Но тут весь кадр затянуло дымом. А когда дым рассеялся, Виктора Максимова возле шкафа уже не было.

— Так это ты, что ли? — Грязнов в очередной раз запустил пленку. — Что ты делал возле оружейного шкафа?..

После отпевания гроб снова отвезли в крематорий, где уже было пусто. Кто-то подсказал, что гроб надо переставить на тележку у входа.

Все как-то сами собой выстроились в два ряда и за тележкой чинно вошли в мрачноватый зал.

Варшавский что-то сказал распорядительнице, та нашла нужную бумажку, нажала кнопку, заиграла музыка.

— Уважаемые братья и сестры, — поставленным голосом нараспев заговорила распорядительница, — сегодня мы провожаем в последний путь Кирилла Медведева, молодого талантливого драматурга, любящего мужа, заботливого отца, преданного товарища. Все мы глубоко скорбим о его безвременной, трагической кончине и...

Все, кроме Лены, с интересом оглядывались, почти не слушая монотонную тираду женщины. Только вдруг громко всхлипнул Виктор Максимов.

— ...И пусть послужит всем нам уроком эта трагическая случайность, которая остановила творческий полет талантливого художника, которых так мало осталось в наше время! — ораторствовал Вакасян. — Мы все должны помнить, сколь скоротечно наше земное существование, как внезапно оно может прерваться. На месте Кирилла мог оказаться каждый из нас.

Фотограф снимал с разных точек гроб и скорбящих.

— На его месте должен был оказаться я! — воскликнул вдруг в полный голос Максимов, и обильные слезы хлынули из его глаз...

— А теперь родные и близкие подходят и прощаются с покойным, — скомандовала распорядительница.

— ...Он собой заслонил меня от смерти. От моей смерти, друзья! — надрывно восклицал Максимов, размахивая руками и абсолютно потеряв контроль над собой. — Как мне теперь с этим жить? Как жить мне теперь с этим?

— С этим теперь жить мне как... — тихо пробормотал Вакасян, с тоской глядя на истерику актера.

Несколько раз вспыхнул блиц фотоаппарата.

— Снимаем с покойного крестик, икону, венчик, закрываем гроб, — скомандовала распорядительница.

Кто-то послушно выполнил ее распоряжение.

— Переставляем гроб на постамент, — сказала распорядительница.

— Выведите его кто-нибудь во двор, а то прямо неприлично получается. — Вакасян толкнул в бок операторшу. Та в свою очередь толкнула в бок ассистента Колю, и уже тот, взяв Виктора под локоть, вывел его из зала.

— Боже мой, боже мой, я ведь до сих пор жив только благодаря тому, что этот парень... Этот человек... — Максимов не переставал причитать. — Я ведь сам сказал ему: покажи. Как мне жить теперь с этим? Жить с этим как мне теперь?..

Он меня заменил! Он меня заменил, понимаешь? — Максимов оттолкнул ассистента и побежал к выходу. — Нет, я так больше не могу. Так и знайте — Виктор Максимов таких подарков от судьбы не принимает!

— ...А теперь родные и близкие могут поставить поминальные свечи. Они будут гореть все время кремации. Прошу, свечи по рублю, по три и по пять, — льющимся голосом рассказывала массовик-затейник. — И пусть в вашей памяти Кирилл... — она сверилась со шпаргалкой, — Кирилл Медведев останется навсегда. Подходите, не стесняйтесь, родные и близкие.

Гроб медленно уплыл вниз, люк закрылся.

Люди потянулись к распорядительнице за свечами.

Запиликал чей-то сотовый телефон.

— Простите, это мой. — Вакасян вынул из кармана трубку и тихонько вышел из зала.

— Алло.

— Это Грязнов. — Денис вынул из магнитофона кассету.

— Скажите, а Максимов еще там?

— Максимов? — Михаил Тигранович огляделся по сторонам. — Был где-то здесь. Коля, а где Максимов? — спросил он у проходящего мимо ассистента, который выводил Виктора из зала.

— Домой уехал.

— Как — домой, почему? — удивился Вакасян.

В ответ ассистент только pokrutil пальцем у виска.

— Понятно, — кивнул Вакасян. — Слышишь, домой он уехал. Истерику тут закатил и домой свалил.

— Домой? А когда?

— Минут двадцать назад.

— А где он живет? Адрес можете сказать?

— Академика Пилюгина, шесть, корпус три. Квартира пятьсот сорок семь, телефон дать?

— Диктуйте!

— Сто тридцать один две девятки сорок.

— ...Две девятки сорок. Спасибо, Михал Тиграныч!

Вакасян вернулся в зал, когда все завершилось.

— Обряд кремации закончен. Всего вам доброго, господа, крепкого здоровья и долгих лет жизни. — Массовик-затейник нажала на кнопку, и монотонная завывающая музыка смолкла...

Выйдя из похоронного зала, все, не торопясь, погружались в автобус с надписью на борту «Мосфильм».

Лену придерживал под руку Варшавский.

— А печально, грустно, а, да? Ничего, Лен, что я корреспондента позвал, ничего? Все-таки Кирилл — фигура известная.

Из трубки доносились длинные гудки. Денис набрал номер еще раз. И опять никто не ответил. Бросив трубку, Грязнов посмотрел на часы, спросил Самохина:

— Где это, академика Пилюгина?

— Юго-Запад. По Ленинскому проспекту до бывшего посольства ГДР. Знаете?

До Пилюгина доехал за полчаса. Остановил машину на углу и опустил боковое стекло.

— Мальчик, где тут дом шесть, корпус три?

— К Максиму, что ли? — почему-то сразу догадался мальчик.

Дверь лифта с грохотом открылась, и Грязнов вышел на лестничную площадку. Вся стена была исписана признаниями в любви Максиму. «Витенька, возьми меня! Маша», «Витенька, ты мое сердце. Костик», «Витя, ты Бог!», «Витя, ты моя жизнь», «Витя, позвони мне, 123-45-67. Элька». Мальчик был не такой уж догадливый. Видно, в этом районе только Максимов и был знаменит.

Под дверью лежало несколько букетов цветов. Грязнов нажал на кнопку звонка, и заиграла какая-то музыка.

— Входите, открыто, — раздался изнутри голос Максимова.

Грязнов открыл дверь и шагнул в прихожую, которая вся

была оклеена постерами с фотографиями хозяина.

— Здравствуйте, Виктор, это Денис Грязнов. Можно? Я по поводу...

— Да-да, можно, — раздался голос Максимова откуда-то из комнаты. — Проходите. Можете не разуваться.

Денис хорошенько вытер ноги и открыл дверь в комнату.

Максимов стоял на табуретке. На шее у него была петля из телефонного провода.

Как только Денис открыл дверь, Виктор оттолкнул табуретку и повис, дрыгая ногами.

Глава третья

1

Максимов полулежал на столе, бессильно, по-театральному раскинув длинные руки с тонкими пальцами, и рыдал. Рядом с его головой стояли бутылка коньяка и рюмка, к которой Виктор между рыданиями прикладывался.

Грязнов, стоя на стуле, угрюмо откручивал от крючка на потолке телефонный провод, на котором еще несколько минут назад пробовал повеситься актер.

— Вы мне жизнь... — с патетикой начал Максимов, приподняв голову от стола.

— Не болтайте ерунды, — отмахнулся от Виктора Денис. — Все равно бы сорвались...

— Это все гадская жизнь, — сказал Максимов. — Это все бабы, водка, сплошной тусняк... Я не могу больше... Я не могу!

Грязнов присел на корточки возле телефонной розетки, из которой Максимов вырвал с мясом провод.

— Если позвонить нужно, на кухне и из прихожей можно, — оживился актер. — Мобильник, в конце концов, возьмите. — Он вытащил из кармана брюк мобильный телефон.

— Шея болит? — спросил Грязнов.

— Не в этом дело, — досадливо ответил актер.

— А в чем?

— Душа болит... — Максимов присмотрелся к Грязнову.

— Вы вообще-то как здесь? Зачем?

— Да так... Хотел спросить. — Резко придвинув второй стул к столу, Денис сел напротив актера.

— Что?

— Вы пистолет не трогали?

— В смысле?

— Ну перед тем как Медведев взял его в руки?

— На кой?

— А к шкафу подходили?

— Не помню.

— Подходили, — сурово сказал Грязнов. — Зачем?

— А я помню? Может, курить, может, кофе хлебнуть. Пописать, в конце концов...

— В шкаф с оружием?

— Вот же блин! Это меня ведь хотели хлопнуть! Вы ведь помните — меня! — Губы актера снова нервно задрожали.

— А тут какие-то идиотские вопросы!.. Туда пошел, сюда пошел...

Он снова всхлипнул.

— Ладно, одевайтесь! — сказал Грязнов. — Пойдем. Потом поговорим.

— Куда? — испугался актер.

— Если вы помните, сегодня Кирилла похоронили. По-

МИНКИ...

За поминальным столом сидела почти вся съемочная группа. Сидели мрачные, тихо позвякивали вилками, почти не говорили. На звонок в дверь отреагировала только вдова Медведева — Лена. Она открыла. На пороге стояли Грязнов и Максимов.

— Извини, Лена. Мы не поздно?

— Ничего-ничего, помянуть Кирилла... теперь уже никогда не будет поздно... — Она не договорила, помешали слезы.

— Не плачь, Ленка, — выглянул из-за плеча Грязнова пьяный актер. — Вдовьи слезы — это такая банальность.

В комнате Грязнов бегло оглядел собравшихся и увидел смуглого мужчину, похожего на цыгана. Денис неохотно кивнул ему. Цыган не ответил, но и взгляд не отвел. Денис сел напротив. Максимов плюхнулся в свободное кресло, стоящее чуть в стороне от общего стола, и страдальчески закрыл лицо руками.

— Ну что! — встал с рюмкой водки Вакасян. — Помянем еще раз нашего Кирилла. Он был высоким профессионалом. Это очень важно. Любил жизнь и, прости меня, Лена, женщин. И жизнь свою не жалел. Вот ярко жил, по-киношному красиво, я б даже сказал — стильно. Любил сюрпризы...

— Ничего себе — сюрприз, а, да? — тихо проворчал Гряз-

нову Варшавский.

Цыган, не дослушав тост, вышел на балкон.

Денис не хотел говорить с этим человеком, он его ненавидел, но сейчас было не до эмоций. Он встал и вышел вслед за Цыганом.

— Это сколько прошло, Цыган? Лет пять, наверное.

— А я как-то не считал, — недобро сверкнул глазами Цыган.

— Да ладно, хорош! — Денис уже пожалел, что все-таки решился поговорить с ним. — Чего сегодня старые счета сводить? Медведь и твоим другом был. Верно?

Цыган усмехнулся.

— Моим-то как раз и был...

— Был... — мрачно повторил Денис.

Цыган выбросил бычок с балкона.

— Вот именно! Медведя больше нет. Потому разводить нас по углам теперь некому. Так что не пыли у меня перед глазами!

Лена беспокойно выглянула на балкон.

— Ну вы чего, ребята? — настороженно оглядела она Цыгана и Грязнова.

— Все нормально, Ленок, — грустно улыбнулся Цыган.

— Кирилла вспоминаем.

А за столом теперь уже шел оживленный разговор. Старалась перекричать всех молоденькая помреж:

— Вы вот не поверите, а я предчувствовала — только он

взял пистолет, меня прямо в жар кинуло. Даже закричать хотела...

— И как грохнет, я чуть не умер от страха, — говорил щедушный осветитель.

— Что же ты, Лилечка? — с усмешкой спросил Вакасян. — Закричала бы, и, может, сейчас мы здесь не сидели б.

— А я ничего не видел, ничего, — с досадой говорил здоровенный ассистент оператора Коля.

— У нее все сикось-накось. Когда молчать надо, так ей рот не заткнешь, — перекидывая папиросу с одного угла губ на другой, сказала Успенская.

— Ужас, прямо ужас какой-то! — всхлипывала гримерша, искоса поглядывая на себя в маленькое зеркальце. — А вам, Людмила Андреевна, лишь бы гадость сказать.

Ксения пила одну рюмку за другой, беспокойно оглядывалась на Максимова.

— Правда, Люся, хватит, — с недовольством проговорил Вакасян, покосившись на появившегося в комнате Грязнова.

Помреж, вспыхнув, выскочила из-за стола.

— Ужас — даже представить страшно, — снова сказала гримерша.

— Представить как раз можно было. Вот я как раз что-то такое предполагал... — сказал Вакасян.

— Только смотрю — лежит уже весь в крови, ничего не видел, — все сокрушался ассистент.

— Он вам что-нибудь говорил? — спросил Грязнов Вака-

сяна.

— Постоянно, перманентно, я бы даже сказал навязчиво. Понимаете, тут такое дело — пишущий человек создает некую реальность, а эта реальность потом каким-то образом материализуется. Да вам об этом любой писатель скажет. А у Кирилла в последнее время что ни сценарий — самоубийство. Да всегда на людях — эффектно, с выдумкой. Навязчивая тема. А у нас говорят — какие темы бережешь, так и живешь.

— Или наоборот? — вставила операторша.

— Надо вообще без темы жить, — сказал Варшавский. — Так спокойнее, а, спокойнее?

— Ты бы помолчал, жучило, — вдруг пробурчал Максимов. — Здесь художники собрались, понял?

— Вить, а я что, я просто... давай не будем, — широко улыбался Варшавский. — Мне тоже несладко, да.

— А всем сладко, да? — поднялся Максимов и пьяно оглядел присутствующих. — Я вам работу дал, бабки достал, а вы меня грохнуть хотели?.. Вот она, людская благодарность!

— О, затянул по новой, блин, — тихо выругался Вакасян.

— Мы как раз сайнекс снимали, — сказал ассистент.

— Вы же без меня на любой клипчик рекламный бросались! — продолжал бушевать Максимов. — Конечно, жрать-то всем хочется! А я вам — настоящее кино!

— Как все это осточертело. — Ксения, молчавшая все по-

минки, сама себе налила очередную рюмку водки и залпом выпила.

Ксения была красивой, чуть нервной блондинкой с большими черными глазами. Киношники про таких говорят — ее камера любит. Денис вспомнил, как Ксения обожгла его взглядом еще там, в павильоне, и сердце сразу как-то сладко сжалось.

— Первый раз такой ужас вижу, — не слушала общего разговора гримерша.

— Да уж, поснимали настоящее кино, — сказала Ксения, криво улыбнувшись. — Дал ты нам работку, Витечка. Спасибо!

— А ты вообще заткнись. Дура. Когда джигит говорит, говно молчит, — выверился на Ксению актер.

— Ублюдок! — тихо сказала Ксения и встала из-за стола.

— Сидеть! — рванулся к ней Максимов, но не удержался, упал на Успенскую.

— Витя, я уже не в том возрасте, — хмыкнула операторша.

— Пошла ты на...

Успенская не дала ему договорить, вlepила звонкую оплеуху — Максимов и свалился на пол.

Стол затих.

— Так, этого орла отпускать сейчас нельзя, — сказал Вакасян, поднимая бесчувственного актера с пола. — Нажрался так, что и родной дом не найдет.

— Не волнуйтесь, я довезу его, — успокоил Грязнов. —
Адрес я уже знаю.

— Ксюш, ну не бузи! Иди лучше ко мне...

Они ехали в такси по улицам города. Грязнов на переднем сиденье, а сзади — Ксения с Максимовым. Актер клевал носом. На поворотах он открывал глаза и тут же лез обниматься к ней. Она отпихивала его от себя.

— Ага, счас...

— Если хотите, я могу сесть сзади, а вы вперед, — предложил Грязнов Ксении.

— Сама справлюсь.

Когда приехали, Грязнов не без труда втащил пьяного актера в квартиру. Ксения вошла следом.

— Господа! — актер рухнул на диван. — Располагайтесь. Чувствуйте себя как... хотите.

— Я его уложу? — сказала Ксения.

— Тогда я — чай. — Грязнов вышел на кухню.

— Какой чай, граждане? — расслышал-таки пьяный Максимов. — У меня в баре отличный шнапс имеется.

— Давай быстренько разденемся — и баиньки. — Ксения начала раздевать Виктора.

— О'кей. И ты тоже. Давай и я тебе юбочку помогу задрать.

— Ну хватит, Витя! — оттолкнула она руки актера.

Грязнов появился в комнате с чашками и заварным чай-

ником.

— А он мне жизнь спас... Ой, ребята, что-то мне плохо,
— страдальчески закатил глаза Виктор. — Ксюшка, выкупей
меня в ванночке, — заканючил Виктор. — Ты же это умеешь.

Кое-как удалось его уговорить, Максимов уснул, пуская
детские слюни и звучно храпя. Зрелище не для слабонерв-
ных.

А Грязнов и Ксения сидели в комнате и пили чай, прислу-
шиваясь к храпу из спальни.

— Ваш любовник? — спросил Грязнов.

Ксения внимательно посмотрела на Грязнова.

— Ого! Следствие серьезное и глубокое, — сказала язви-
тельно.

— Извините.

— Эх, — выдохнула она. — Теперь уже экс-любовник.

Грязнов допил чай, встал.

— Ладно, я пойду. — Он устало потер глаза.

— А стоит?

— В каком смысле? — опешил Грязнов.

— Да смысл всегда один...

Грязнов усмехнулся, с интересом рассматривая Ксению.

— Хм... А вы красивая... — сказал он чистую правду.

— Так что, слабо совратить красивую? Могу открыть тай-
ну — сейчас это вам будет сделать нетрудно.

— Превышение скорости. Я так не езжу.

— Ну нет у меня сейчас сил разыгрывать любовные пре-

людии.

— А вы уверены?

— Какой-то у вас, юноша, гаишный лексикон. Не уверен — не обгоняй...

— А вы уверены? — снова спросил Грязнов.

— В тебе уверена... Я видела, как ты сегодня на меня смотрел. И сейчас так же смотришь...

Грязнов молча направился к выходу. Не дойдя до двери, резко развернулся и пошел обратно.

Она закрыла глаза, почувствовав сильное прикосновение его губ к своим.

Впрочем, действительно, у нее не было охоты заниматься прелюдией. Уже через минуту она в буквальном смысле содрала одежду с себя и с Дениса и неистово начала с того, что обычно женщина делает мужчине далеко не в первое знакомство.

— А? Нравится? — отрывалась она от своего занятия и поднимала на ошалевшего Дениса пьяные, шальные глаза. — Возьми меня за голову, с силой втолкни, не бойся!

Денис робко делал требуемое.

— Сильнее! Да сильнее же!

А дальше Денис уж и вовсе почувствовал себя мальчишкой, не знавшим женщины. Ксения была изобретательна и бесстыдна. В той самой порнушке, что смотрели Денисовы агенты, престарелая развратница и то на такое не решалась. Это была мука, но сладкая, порочная и безоглядная, и она

все длилась и длилась. Денис думал, что это преувеличение — заниматься любовью часами, а теперь и сам потерял счет времени. Только когда они, потные и обессиленные отвалились друг от друга и раскинулись на постели, он увидел, что уже пять утра. Значит, они занимались любовью три с половиной часа.

— Я так и не могу понять, кто кого достал — ты меня или я тебя? — Ксения искоса взглянула на Грязнова в свете зажженной сигареты.

— Какая разница! — Денис поцеловал ее в плечо.

— А ты не похож на мента.

— А я и не мент. Я частный сыщик.

— А еще я слышала, что у тебя дядя какая-то шишка милицейская.

— Хокку знаешь? Как надену портупею, так тупею и тупею.

— Хокка? Это что, ругательство?

— Хокку — это японцы. Нерифмованное трехстишие, — сказал Грязнов. Он помолчал, глядя на Ксению. — Но почему?

— Когда встречаю нового мужчину, пытаюсь представить себе его в постели. Как он целует, как обнимает, как заводит и от чего заводится сам. И почти никогда не ошибаюсь.

— И как часто у тебя эти «новые мужчины»?

— Дурачок. Новый мужчина — это действительно что-то совершенно мне неизвестное. Кого в жизни еще не было.

— А ты, выходит, такая себе госпожа Христофор Колумб?

— Грязнов не смог скрыть досаду.

— О ревность... Лучше поцелуй! — Она закрыла глаза, подставляя ему расслабленные губы.

Денис медлил, рассматривая ее. Тогда Ксения сама навалилась на Грязнова и стала целовать.

Все пошло сначала. Только еще безумнее.

— Ребята, я чего-то не врубаюсь. Ксюш, ты мне что, рога наставила?

Хорошо, что они лежали, уже укрывшись простыней и смотрели, как за окном встает солнце.

Виктор постоял на пороге комнаты и присел на край кровати, подвинув ноги Ксении. Был он довольно свеж и уж во всяком случае весел.

— Пивка не желаете? — предложил он Денису открытую банку. — А меня сушняк давил всю ночь. Какие-то пустыни снились, кэмэлы с горбами...

— Выйди, мне одеться надо, — недовольно сказала Ксения.

— А кого ты здесь стесняешься? Мы тебя теперь оба...

— Дай ей одеться, — тихо, но твердо проговорил Грязнов.

— Ой, какие-то вы злые, ребята. Ухожу, ухожу, ухожу, — расхохотался Максимов.

Едва актер вышел, Ксения с остервенением стала натягивать на себя одежду.

— Подонок! Мразь! — В глазах ее показались слезы.

— Наверное, нужно было поехать ко мне...

— Да ты-то тут при чем?

У Грязнова желваки обозначились на скулах.

— Ты хотела испортить ему настроение?

— А ты считаешь, ему можно испортить настроение?

— Ясно.

Они молча оделись.

— Ну не дуйся еще ты! — Ксения попыталась обнять Грязнова. — Мне эти дни так гадко, плохо... Этот кошмар с Кириллом. Все ведь на наших глазах...

— Надеюсь, я тебе облегчил... некоторые страдания? — усмехнулся Грязнов.

— Ну чего ты-то злишься? Почему всегда нужно изображать какие-то сумасшедшие чувства?

— Тебе, наверное, пора идти.

— Позвонишь мне?

Грязнов не ответил.

Ксения достала из сумки ручку, поискала листок, но, кроме сценария, ничего в своей сумке не нашла. Написала на первой странице телефон, бросила сценарий на кровать и вышла.

Грязнов закурил.

Актер что-то напевал на кухне.

Запиликал сотовый.

— Да. Грязнов.

— Сочини мне хокку, — услышал он голос Ксении.

— Ты где?

— Я из автомата. Мне кажется, я даже влюбилась в тебя.

Грязнов поднял с кровати сценарий. И, открыв наугад, начал читать.

Лес. Натура. День.

Они с гиканьем вынеслись к реке, сдирая с себя одежду. — Ура-а-а!!! — На старт! Внимание!.. — Смертельный номер! — влетали один за другим в воду четверо подростков. Только девушка осталась на берегу. — Галь! Давай! — Ой, мальчики, что-то мне не хочется, — попробовала ногой воду Галя. — Лови! — забрызгал девчонку Аркадий. — А ну, прыгай! Или мы тебе устроим день Нептуна! — орал из воды Антон. — Я и купальник не взяла. — Подумаешь! — плюхнулся рядом с ней на песок мускулистый Сабанов. — Тут же никого нет. — А вы? — А мы, — сказал застенчиво Женя Некрасов, — можем отвернуться. — И даже глаза закроем! — стукнул себя в грудь Сабанов. — Правда? — Не-а! Я буду за Галкой подглядывать, — засмеялся Петров. — А мы тебя утопим! — бросился на Антона Сабанов и, хохоча, стал топить того в реке. — Смерть! — Утопить извращенца! — включились в игру ребята. — Пусть лучшие смотрит! — хохотала Галя.

Лес. Натура. Ночь.

Уже стало темнеть. Четверо подростков сидели у костра, ели кашу из металлических мисок. Галя плескалась в реке. — Галка, выходи — сколько можно? — громко позвал Сабанов. — Тебя то не затащишь в воду, то не выта-

ищишь. — Ой, ребята, вода — парное молоко, — блаженно ответила девушка. Она — голая — вышла из воды, спряталась за кустами, где была ее одежда. Ребята демонстративно отвернулись, только Антон продолжал смотреть в ее сторону. — Отвернись, — жестко сказал ему Сабанов. — Ух, — с трудом отвел взгляд от кустов Антон. — Сексбомба. — Перестань пошлить, — одернул Белоусов. — Это не пошлость. Это природа, Аркаша, — засмеялся Антон. — У тебя вся природа в одном месте. — Когда уделаеете свою первую бабу, тогда и у вас все в другом месте будет. — А ты что, уже пробовал? — оживился Некрасов. — А Томочку, пионервожатую, помнишь? — спросил Антон. — Да врешь. Чтобы Томка тебе дала! — сгорая от любопытства, сказал Белоусов. — А-а! — вдруг раздался крик Гали. Сабанов мгновенно сорвался с места. За ним — Антон. Белоусов и Некрасов некоторое время сидели, а потом тоже побежали на крик. — А-а! — снова закричала девушка. Она выбежала навстречу ребятам. — Мамочки, там крыса! — Вот дура, — перевел дух Сабанов. — Ты даешь, Галка! Так же и в штаны сделать можно! — засмеялся Антон. Некрасов метнулся в кусты, взмахнул палкой, что-то противно взвизгнуло. — Есть, — сказал Некрасов и вынес на палке сдохшую крысу. — Брось, дурак, брось! — закричала Галя. Некрасов пожал плечами, бросил крысу на землю. Они вернулись к костру. Галя села поближе к огню, зябко поежилась, несколько раз оглянулась на кусты. Сабанов снял с се-

бя спортивную куртку, набросил ей на плечи, неловко поправил ее длинные волосы. Трое остальных ребят ревниво следили за его действиями. — Галка, да что тебе сабановская куртка? — усмехнулся Антон. — Иди ко мне, я тебя просто так погрею. — А я тебя сейчасогрею, — беззлобно сказал Антону Сабанов. — Лучшие помогите мне вымыть посуду. — Пойдем, — встал Белоусов. — Аркашенька, ты прелесть и прелесть! — Вот хитрая ты рожа, Белоусов, — слегка пнул под зад коленом Белоусова Антон. Белоусов, ухмыляясь, собирал грязную посуду. — Все, ребята, собираемся, и надо двигать, — сказал молчавший все время Некрасов.

— Ну а серьезно, думаешь, я мог бы убить человека? — Максимов с удовольствием поедал свой завтрак — яичница, апельсиновый сок, сыр и ветчина.

— Не знаю. — Денис жевал вяло. После бурной ночи аппетита почему-то не было. Впрочем, не было и усталости.

— Хотя, наверное, в состоянии аффекта мог бы. Бабу, например. Если доведет, — вдруг согласился Виктор.

— А тебя не так трудно довести, — усмехнулся Денис.

— Ой, что ты! Я тебе честно скажу, я им время от времени по морде даю. Натурально. А они после этого еще сильнее липнут. Знаешь, одна была...

— Ну так я опять про шкаф с оружием, — перебил Грязнов.

— Зануда, ей-богу! С утраца — и такие вопросы. Не помню!.. Послушай, а ты на Ксюшку действительно запал или так — легкий перепих? — спросил вдруг Максимов.

— Любопытный? — вызывающе проговорил Денис.

— Да мне по барабану. Вот у тебя теперь самое оно и начнется. Это еще та штучка! Все жилы из мужика вытянет. Капризная стервоза. Хотя, конечно, она девочка сладенькая — ты, наверное, уже прочувствовал это. А?

— Ты что, занервничал?

— Я? Аж жуть! Да я ее уже давно в расход пустить соби-

рался. Надоела. Еще и угрожает, представляешь? И с тобой она переспала назло мне. Это точно.

У Грязнова зазвонил сотовый.

— Да, слушаю...

Звонил следователь. Пришли результаты экспертизы. Ни на пакете, ни на оставшихся патронах отпечатков Линькова не было.

— А чьи пальчики? — Грязнов вышел в другую комнату.

— Гарипова? Хорошо проверили? Ну ладно, ладно, не обижайтесь. Да, верю... А я вам тоже подарок сделаю, поезжайте на студию. Помните шкаф с оружием? Там должен быть лишний пистолет... Да, вот так просто... Дактилоскопию делаете, ладно?

Лес. Натура. Ночь.

— Говорил, нужно было раньше двигать. — Некрасов светил перед собой фонариком. Антон шел позади девушки и постоянно в шутку дергал ее за рюкзак: — Галка, ты не устала? — Слушайте, по-моему, нам левее нужно брать, — озадаченно проговорил Сабанов. — А по-моему, надо туда, — указал вправо Белоусов. — Что-то я не узнаю дорогу. — Некрасов осветил фонариком по кругу. — Галка, давай понесу. — На, — стала та скидывать рюкзак. — Не, только вместе с тобой. — Дурачок. — Так, ребята, стоп, соорудить надо, — скомандовал Сабанов. — А это не наш костер? — спросила Галя. — Нет, кажется... Сабанов шагнул в темноту и вдруг вынес на палке убитую крысу. — Так, ребята, мы сделали круг. — Блин! — Белоусов раздраженно бросил на траву рюкзак. — Может, снова испуннемся? — Антон опустился у воды. — Водичка сейчас — самый писк...

Машина, в которой ехал Грязнов, резко затормозила. Денис, оторвавшись от чтения сценария, удивленно посмотрел на водителя.

— Все, приехали! — сказал тот.

— Ага. — Грязнов открыл дверь машины и стал вылезать.

— Куда? — Водитель схватил его одной рукой за локоть, а другой выхватил из-под сиденья монтировку.

— Да ты что, дед, опух? — оттолкнул его Грязнов.

Водитель проворно выскочил из машины вслед за Денисом.

— Плати, говорю, а то сейчас врежу! — угрожающе махнул он монтировкой перед лицом Грязнова.

— Железку на всякий случай убери. Дай деньги достану.

— В машине не мог достать? Знаю я вас. Из машины выйдут — и деру! Гоняйся потом за вами. Я тебе не мальчик!

— У меня штаны узкие, сидя достать не могу. — Грязнов извлек из сидящих в обтяжку джинсов полтинник. — Хватит?

— Вполне, — расслабился дед, забирая деньги и проверяя их на свет.

— Что, прокатывают часто?

— А то нет! То сбегут, то деньги фальшивые кинут. Ночью я вообще не везу, пока вперед не заплатят.

— Ты, дед, все-таки с железкой не шути.

— Не бойсь, я еще никого не огрел. Так только, попугать.

Агенты опять прохлаждались. Но сейчас Грязнов на них полкана спускать не собирался — он был в благодушном настроении.

— Сидите, сидите, господа гусары, — кивнул развалившимся мужикам. Те, впрочем, и не собирались вставать.

— Шеф, — дурашливо вскочил Самохин, — разрешите доложить?

— Вольно. Где тут заключение экспертов?

— Вот! — протянул бумагу Самохин. — А еще вам повестка, шеф.

— Повестка?

— Э-э... Кутузовская районная прокуратура... — прочитал по бумажке Самохин.

— Дай! — вскинулся Грязнов.

— С прискорбием сообщает, что она не существует в природе...

— Купил, — расслабленно улыбнулся Грязнов.

— Гарипов ваш очнулся, — в том же тоне сказал Самохин.

— Следак звонил.

— Шутишь? — серьезно спросил Грязнов.

— Следак сказал: Гарипов теперь ваш, можете его допрашивать.

Пришлось снова бежать на улицу и ловить машину. Вообще-то Денис мог доехать до больницы и на своей, но ему

очень хотелось читать сценарий дальше. Он вообще никогда не читал того, что писал его товарищ Кирилл Медведев.

Лес. Натура. Ночь.

Некрасов оступился и скатился с тропинки в овраг. — У, зараза, — тихо выругался он. — Ты что, Женька? — спросил Сабанов. — Да ногу, кажись, подвернул. — Встать на нее можешь? — Белоусов прыгнул в овраг и присел с фонариком к Некрасову. — Ой, нет! Добей меня, командир...

Лес. Натура. День.

Под утро они все так же брели по лесу. Белоусов подерживал хромающего Некрасова. Тот немного опирался на больную ногу, страдальчески морщась от боли. Сабанов нес два рюкзака — свой и Жени. Галя все чаще и чаще останавливалась. — Давай мне! — Сабанов взял рюкзак у девушки. — Галка, все будет нормально. — Где — нормально? Всю ночь протопали! — В голосе Белоусова послышались истеричные нотки. — Все, не могу больше. Хочу жрать. — Антон резко сбросил рюкзак и лег на землю. Сабанов решительно, без слов попытался поднять Антона, но тот оттолкнул его от себя. — Отстань! — злобно закричал Антон. — Никуда не пойду! Иди сам. — И я больше не могу, — еле слышно проговорил Некрасов. Он опустился на землю, болезненно пробуя пальцами распухшую ногу. — Нельзя, нельзя, нельзя так! — с силой заговорил Сабанов. — Надо держаться. И только всем вместе. — Мы подождем

здесь, — сказал Антон. — Блин, смешно, заблудились в каком-то поганом Подмосковье! — Есть охота... Сколько человек может прожить без еды? — Да вы что, с ума сошли? Никто не умрет, вы что! Вы слышите меня? — Сабанов заметался между друзьями. Галя громко всхлипнула. — Потом еще сто раз будем об этом вспоминать. И смеяться... — Смеяться, да? Смеяться? — Антон начал истерично хохотать. — Да мне уже смешно — до чертиков. — Хватит! Что вы как дети! Я вас выведу. Я вам обещаю. Клянусь! Только заткнитесь. Сабанов начал поднимать ребят, встряхивая, обнимая их, приводя в чувство. И уверенно, словно гипнотизируя своей силой, смотрел каждому из них в глаза: — Встать! Я вам сказал: встать! И, подталкивая их в спину, снова повторял обнадеживающе: — Все будет хорошо. Я вам обещаю! Я вас выведу! Только всем вместе! Держаться!

Медсестра поправила у Гарипова капельницу. Потом склонилась над ним, поправляя подушки.

Гарипов с трудом, но дотянулся забинтованной рукой до ягодиц медсестры.

— Перестаньте, вам сейчас нельзя. Я имею в виду, двигаться нельзя. — И медсестра удалилась, отчаянно виляя бедрами.

— Нет, ты видел ее, а? Какая цаца! Она меня вылечила! Чудо!

Грязнов сел на стул рядом с кроватью.

— Ну как вы?

Выражение лица Гарипова резко изменилось:

— Плохо. Очень плохо. Слушай, я сразу говорил, что это Линьков, да?

— Ну успокойтесь...

— Меня убить хотели, а я должен быть спокоен, да?..

— Давайте по порядку. Что там случилось?

— Так я уже следователю рассказал.

— Ничего, вы просто повторите. Итак, что случилось?

— «Что», «что»! Прибежал Линьков, полез меня бить, потом давай стрелять.

— Вот так прямо с порога и начал бить?

— Да фашист он, я же говорил. Всех людей ненавидит.

Меня в первую очередь. Видел у него патроны?

— А Линьков говорит, что патроны подсунули вы...

Гарипов выкатил глаза:

— Вуа! Что говорит?! Он убийца, а ты ему веришь?! Он в меня стрелял, а ты ему веришь?! Если черный, так все, преступник, да?!

— Тут такая история, Гарипов: на патронах нет отпечатков пальцев Линькова. А вот ваши имеются. Это вам следователь сказал?

— Вуа! Откуда?

Грязнов пожал плечами.

— Чудо, наверное.

Гарипов закрыл глаза.

— А кто там еще был?

— Мои друзья.

— Фамилии, имена, место жительства.

— Не знаю. Я устал.

— А что вы делали ночью в цеху?

— Работал, — криво усмехнулся Гарипов.

— Стахановец?

— Вуа! Не хотел идти домой! У меня в семье проблемы.

Интимного характера. Устраивает?

— Не устраивает. Гарипов, вы занимались в цеху изготовлением боевых пистолетов и взрывчатки.

— Докажи!

— Уже. — Грязнов достал из папки бумаги и протянул

Гарипову: — Читать сможете?

Гарипов оттолкнул бумаги, тихо сказал:

— Ты что, такой крутой мент?

— Я не мент. Но я крутой.

— Не ищи моих друзей. Тебе же хуже будет.

— Это я устал от вас, Гарипов. А вот вы проходите по делу, как один из подозреваемых.

— В чем подозреваемый?!

— А вы не поняли? В убийстве Медведева.

— Я его не убивал, — выдавил из себя Гарипов.

— Ладно, ты сам напротился. — Грязнов склонился к самому уху Гарипова и негромко сказал: — Твой оружейный подпольный цех я выдаю ФСБ, мало не покажется. Понял?

— Утопить хочешь? — сузил глаза Гарипов.

— Хочу.

— Чего тебе от меня надо? — Гарипов заскрипел зубами.

— Кому ты на студии делал пистолеты?

— Никому...

Грязнов встал:

— Счастливо оставаться.

— Вуа! Один только делал! — неожиданно почти взвыл

Гарипов.

— Кому?

— Медведеву делал. Мамой клянусь! Сценаристу этому!

Грязнов телефон Медведевых знал на память. Звонить решил из автомата — так дешевле, все-таки мобильная связь у нас еще роскошь.

В телефонной трубке раздавались длинные гудки. Значит, на работе.

Грязнов поискал в своей телефонной книжке, набрал номер.

— ЦСДФ, — ответили на том конце провода.

— Будьте добры Медведеву!

— Кто ее беспокоит?

— Следователь Грязнов.

— Ой, а Лены не будет на работе. У нее муж умер.

— Не подскажите, где ее можно найти?

— Дома, — удивились на том конце провода.

— Странно, весь день ей звоню. И никто не берет трубку.

— Я только что с ней разговаривала... Хотя погодите... Вы ведь на квартиру мужа звонили?

— Ну да!

— Нет, она дома. Я имею в виду — у мамы.

— Спасибо.

Телефон Лениной мамы Грязнов на память не знал, поэтому попросил продиктовать.

— Да! — услышал Денис голос Медведевой.

— Здравствуй, Лена. Грязнов.

— А, Денис, здравствуй!

— Я по делу. Нам нужно кое-что поискать в квартире Кирилла. Алло, Лен, ты слышишь?

— Ладно приезжай, обыскивай, — не сразу ответила Медведева. — Тем более что на это не нужно моего разрешения. Ваши и так там, наверное, все перерыли...

— Лично я ничего там не перерывал. А если перерыли — это милиция.

— Часа через три устроит?

— Да, конечно, но...

Однако Медведева уже положила трубку.

Времени было полно. Возвращаться в агентство не хотелось. И Денис поехал на студию. Может, пленку уже проявили.

Успенская чуть не сшибла Грязнова с ног. Как-то испуганно метнула взглядом.

— О, Людмила Андреевна, здравствуйте.

— Привет.

— А я как раз насчет пленочки.

— Какое совпадение! — Успенская дымила папиросой, не вынимая ее изо рта.

— Не готова? Ведь срок был еще...

— А у нас в стране хоть что-то делается в срок?

— Но они обещали?..

— До задницы им собственные обещания. У них на день сто пятниц!

— Может, как-то нажать можно?

— Бесполезно. И вам здесь крутиться нечего. Я же сказала, что сообщу. И что вообще вы хотите увидеть?! Это кино-пленка, ясно? Не видео! Мы снимали только дубль. От «камеры» до «стоп». Ничего вы не увидите интересного! Фон провалился — и все.

— Провалился?

— Недосветили, суки.

Грязнов закурил возле Успенской, продолжавшей нервно дымить папиросой.

— Тут курить нельзя. — Успенская показала на плакат.

— Вон вахтерши вас сейчас заметут.

— А вас?

— Меня?!..

Грязнов быстро затушил сигарету, конечно, его заметут. А вот Успенскую поди попробуй. Бой-баба.

Квартиру Кирилла еще не обыскивали. Лена зря волновалась. Ее обыскивать начали, как раз когда они с Денисом приехали. Словно нарочно.

«Ну вот, — подумал Денис, — теперь Ленка решит, что это я милицию позвал».

Следователь и трое оперативников обыскивали квартиру. Двое пожилых людей наблюдали за ними.

Лена сидела в углу в кресле. На оперов почти не смотрела, а вот Дениса просто прожигала взглядом.

— А соседей зачем позвали? — кивнула в сторону тех двоих Медведева.

— Так положено, Лена, — объяснил Грязнов, который почему-то и в этом чувствовал себя виноватым. — Они понятия.

— Ну если положено...

— Лена, ты разрешишь позвонить?

Она кивнула. Грязнов вышел на кухню. Он достал сценарий сериала и набрал по нему номер телефона. Сработал автоответчик, и игривый голос Ксении выдал длинную фразу:

«Привет, ты действительно уверен, что я захочу тебя слышать?»

После длинного сигнала Грязнов произнес на автоответчик:

— Не уверен, но хотелось бы тебя услышать, а еще больше

— увидеть...

Вошла Лена, и он спешно положил трубку.

— Знаешь, так странно, — сказала Лена. — Я почему-то все время забываю, что Кирилла нет. Хожу, что-то делаю, о чем-то думаю — и вроде все по-старому и ничего не случилось. А потом — бах! Его ведь уже нет!

— Бывает, — промычал Грязнов несурзное.

— Пытаюсь вспомнить что-то из того дня. Должна же я была почувствовать, как-то увидеть, что жить ему осталось совсем немного.

Заглянул следователь:

— Можно вас на минутку?

Они вернулись в комнату.

— А что здесь? — спросил следователь, указывая на ящик письменного стола.

— Это его личный ящик.

— Он закрыт на ключ. Он у вас есть?

— Нет. Это его личный ящик. Если он вас так интересуется, взламывайте.

Оперативник аккуратно открыл отмычкой ящик стола.

Лена не стала смотреть, снова ушла на кухню. Грязнов поплелся за ней.

— Представляешь, какие были его последние слова мне?

— продолжала Лена. — «Ленка, нажарь сегодня вечером картошки. Так хочется жареной картошки с солеными огур-

цами». Представляешь, и ничего больше! О какой-то картошке сказал. Вот же глупость!..

— Это не глупость. Он ведь не раз говорил, что ты умеешь жарить картошку каким-то особенным способом.

— Жарю как все...

— Он еще шутил: «За Ленкину жареную картошку родину продам!»

— Грязнов, — позвал следователь.

Грязнов заглянул в комнату. Следователь протянул ему документ.

— Что это?

— Разрешение на газовый пистолет.

— А сам пистолет?

— Нету.

— Лена, — Денис обернулся к вдове, — у Кирилла что, был пистолет?

— Да. Газовый. Он говорил — у мужчин те же игрушки, что и у детей, только настоящие.

— Где он его хранил?

— Да везде он валялся.

— А из дому он его выносил?

— Брал иногда... — сказала Лена и осеклась. Грязнов смотрел на нее как-то странно, пугающе.

Следователь поймал этот взгляд Дениса, они переглянулись, и следователь кивнул.

— Поехали, — сказал он.

Следователь покопался в сейфе и выложил на стол два пистолета:

— Хватит?

Денис вынул свой и тоже положил рядом:

— Вот теперь сойдет.

Следователь накрыл пистолеты газетой, а Грязнов выглянул в коридор:

— Лен, заходи.

Медведева робко вошла в кабинет.

— Лена, ты только не волнуйся, это просто. Ты посмотришь сейчас на пистолеты. Если какой-нибудь узнаешь, скажи, ладно?

— Я не разбираюсь в пистолетах.

— И не нужно. Просто посмотри, хорошо?

— Давай.

Следователь жестом фокусника сдернул газету с пистолетов:

— Смотрите.

Лена склонилась над столом. Потом неуверенно тронула пальцем лежащий посредине «макаров».

— А взять можно?

— Можно.

Лена подняла пистолет, повертела его в руках.

— Это пистолет Кирилла. — Она удивленно обернулась к Денису. — Откуда он у вас?

Следователь молчал, а Грязнов сел и подпер подбородок руками.

— Денис, откуда здесь пистолет Кирилла? — снова спросила Медведева.

— Я ничего не понимаю, — сказал Грязнов. — Из этого пистолета Кирилл застрелился.

— И что это значит?! — Лена испуганно оглянулась на следователя.

— Это значит — самоубийство, — развел руками Грязнов.

Глава четвертая

1

Следователь, понятное дело, сочувствовал Денису. Как не объяснишь заядлому болельщику, почему его любимая команда проиграла, имея подавляющее преимущество на протяжении всего матча, так же было бесполезно спорить с этим рыжеволосым, который уперто твердил свое:

— Медведь не мог... Ну и пусть пистолет опознан! Здесь что-то не то, нужно думать...

Терпеливо выслушав все доводы Дениса, следователь после паузы произнес твердо:

— Все, это дело я закрываю.

— Но как же?..

— По закону. У меня нет оснований продолжать расследование.

— А у меня есть!

— Ты частное лицо.

Хотя из кабинета следователя Денис и вышел с видом победителя, но уже в машине, по пути к «Глории», начал как-то сдуваться, и весь его запал будто вылетел в окошко. Да, он, конечно, красиво бросил вызов судьбе, но совершенно не представлял себе, что нужно делать дальше.

Хотелось кому-нибудь пожаловаться, да хоть тому же Самохину, но тот срывающимся голосом орал в телефонную трубку.

— Брать их надо! Уже есть санкция, вот она, передо мной лежит! — Самоха схватил со стола спортивную газету. — Слышишь, шуршу? Где достал — неважно! Это не твои проблемы! Надо пользоваться случаем! Пакуйте их!

Денис отрешенно смотрел на улицу. Ясно же, что Самоха разыгрывал перед ним очередную мыльную оперу. Тоже нашел момент! Совсем и несмешно. А за окном его кабинета будто резвились пиротехники — скапливался туман, и он не рассеивался, а, наоборот, становился все более плотным.

Самохин бросил наконец трубку на рычаг и вскрыл обертку «сникерса». Теперь он смотрел на Дениса с ожиданием: прошел ли розыгрыш?

— Мы только что Лебзяка с женой взяли, — наконец, без особой надежды в голосе, произнес он. — Тепленькими, прямо в постельке.

— Надо же! — вяло удивился Денис. — Ловко.

— Ясненько... — до Самохина дошло, что с ослом лучше не шутить — получишь хвостом по морде. — Ну хвастайтесь, шеф.

— Да чем хвастаться-то? — вздохнул Денис.

— А вы по порядку.

2

— По порядку?.. Мы не виделись с ним больше года...

— Перед Грязновым сидел худой мужчина, как-то очень уж женственно подпирая подбородок рукой. — Расстались с ним после того, как...

— В каком смысле — расстались? — насторожился Денис.

— В творческом... Нет-нет, между нами ничего... Понимаете, мы вместе работали над сценарием. У меня была идея, а у Кирилла связи. А потом я узнал, что моя фамилия исчезла... Ну он вычеркнул ее... Правда, картину так и не запустили. Может, это и к лучшему... Простите, можно поинтересоваться? А как вы на меня вышли?

— По телефонному номеру в записной книжке.

— И что, вы теперь всех вот так нагло выдергиваете? — Девушка не была лишена красоты, но косметика эту красоту не подчеркивала, а, наоборот, всячески скрывала.

— Не выдергиваем, а вежливо приглашаем или приезжаем на дом, как в вашем случае.

— Ага, можно подумать, Коля такой дурак и ничего не поймет!

— Коля?

— Муж мой. Я замужем, к вашему сведению. Уже два го-

да. Ясно?

— Поздравляю...

— Не хочу, чтобы он что-нибудь узнал про эту сволочь. Я для этого со всеми подругами специально разругалась. И тут вы со своими приглашениями и приездами! Хорошо хоть, Коля на работе целый день...

— Простите...

— Ничего-ничего, время терпит! — сказала густо заросшее щетиной «лицо кавказской национальности», угощая Дениса только что приготовленным пловом. — А Кирилла жалко, хороший был парень. И деньги жалко. Он мне деньги должен был, вай.

— И вам тоже? Большие?

— Чего уж теперь!.. Обещал отдать с процентами, да вот, сам панымаишь, дарагой. Хороший был парень...

— Вы можете назвать точную сумму?

— В прошлом декабре две тысячи, и вот буквально на днях еще семьсот, — изрек лысоватый мужчина в туго затянутом галстуке. Чтобы поговорить с Грязновым, он вынужден был прервать селекторное совещание.

— Долларов? — уточнил Денис...

— Нет, у меня в тот момент были только немецкие марки, — сказала молодящаяся дамочка в строгом костюме. — Я

в Германии по контракту работала. Думала, вернусь домой, «фелицию» куплю. Он мне и расписку дал. Вот. — Она протянула Денису бланк...

— «...в том, что я, Медведев Ка Эс, взял у Быбина Тэ Эф пять тысяч американских долларов, — прочитал Денис, — сроком на три месяца».

— Совершенно верно, — кивнул Быбин, протирая носовым платком стекла очков.

— А зачем ему эти деньги? Он вам говорил?..

— Ох, он любому мог мозги запудрить, — махнула рукой бабенка с простым, наивным лицом. — И я поверила. Знаете, он ведь с крыши из-за меня прыгнуть хотел... Подошел так к краю, а у меня аж сердце захолонуло.

— Любовь? — понимающе покачал головой Грязнов...

— Любовь... — И девчонка разрыдалась. Совсем еще юная девчонка, можно за школьницу принять. — Я же не знала, что у него жена-а-а!..

— Вы успокойтесь. — Денис плеснул в стакан воды. — Выпейте.

Крашенная блондинка с фиолетовыми ногтями сделала аккуратный глоток. Она не плакала, но была на грани взрыва. — В общем... Он заставил меня сделать аборт... А я была

уже на пятом месяце...

— Заставил? Как это можно заставить?..

...— А вот так! — закричала милостивая девушка с очень короткой стрижкой. — Взял бритву и сказал, что полоснет себе по венам!

— А вы что?..

А что я? — пожал плечами солидный мужчина в годах. — Не тронь дерьмо — не завоняет. Знаете такую поговорку? Предупредил его только: «Еще раз встречу — морду набыю». Больше я его не видел...

— Спасибо... — задумчиво сказал Денис.

— Не за что! — закрыл за ним дверь парень в спортивном костюме. — До свидания!

Всех этих «свидетелей» Грязнов, разумеется, не вызывал, а просил прийти, если есть такая возможность, или же сам ездил к ним, к друзьям и недругам Медведя, подругам и любовницам, товарищам по цеху, приятелям, знакомым и знакомым знакомых...

Кто-то легко шел на контакт, кто-то совсем не шел, не желая светиться, народ-то по большей части публичный. Денис уговаривал, уламывал, угрожал даже и страшно при этом завидовал «ментам», у которых всегда под рукой бумажка с печатью. Эх, ему бы такую бумажечку... Трудно все-таки быть

«частным лицом».

В общем, на сбор информации Грязнов потратил несколько дней и два бака бензина. Умотался, как уличный пес. А толку? Да не было никакого толку... Следовательно только хмыкал.

В каждом кредиторе Денису виделся потенциальный заказчик. Да и по жизни обиженных многовато. Надо же... Ни одного доброго слова!

Если бы Грязнов не знал Медведя, точно бы про него подумал — конченный урод.

И за окном кабинета по-прежнему клубился непонятный туман.

А ведь все объяснялось очень просто: в асфальте зияла большая дыра с рваными краями. Из нее вырывался столб белого пара. Долетая до грязновского окна, пар терял скорость и сбивался в облако.

Зеваки стояли за выставленным оцеплением. Среди них был и Денис. Приоткрыв рот, он смотрел на дыру в асфальте, на облако пара, на рабочих в оранжевых жилетах, которые мало чем отличались от самих зевак — так же стояли, пялились на дыру и не знали, что делать...

— Стихийное бедствие. Денис созерцает, а служба идет, — с издевкой в голосе продекламировал Цыган.

— Bravo, — обернулся к нему Грязнов. — Какая, на фиг, служба? Мне постоянно повторяют, что я частное лицо.

— Я тут уже минут двадцать. Отвлекать не хотел.

— Да, завораживает... Пойдем куда-нибудь, у меня в кабинете такая парилка...

— В кабине-ете! — надув щеки, передразнил его Цыган. — Лучше поедем.

Они подошли к новенькой иномарке. Цыган щелкнул брелком и распахнул перед Грязновым дверь.

— Культурная программа? — Денис раздумывал, садиться или нет. После поминок он был уверен, что с Цыганом они больше не сойдутся никогда, ни при каких обстоятельствах.

— А ты сильно торопишься?

— В общем, нет...

— Это я заметил. А убийца на свободе.

До реки было рукой подать. Цыган вынул из багажника болотные сапоги, бросил их Грязнову, а сам подхватил чехол со спиннингом.

— Ну разве не чудо? — Цыган был бодр и активен. Он быстро шагал по высокой траве к берегу. — Два километра от Москвы — а будто на другой планете!

— Кто тебе сказал, что я рыбак? — плелся за ним Денис. — Я не люблю ловить рыбу, мне ее жалко. Я зеленый.

— Спасибо, что не «голубой», — засмеялся Цыган. — Преступников по той же причине не ловишь? Жалко?

Грязнова совсем разморило на солнце. Речная вода была спасением. Пока Цыган собирал спиннинг, он сбросил ботинки, закатал брюки до колен, снял пиджак и рубашку, сорвал лопух, сделал из него что-то вроде панамы. И лег на травку.

— Знаешь, мне вчера так смешно стало, — сказал Цыган. — Сначала разозлился. Стою на балконе, курю. Глядь, ты идешь. Прямо подо мной. Думал, кинуть бы сейчас чем-нибудь тяжелым.

— Ну и кинул бы...

— Так смешно вдруг стало...

Денис перевернулся на живот, лениво подполз к самому краю берега.

— Давно такого кайфа не испытывал. Спасибо тебе, Цыган. — И опустил голову в воду.

Стало тихо. Бесшумно покачивались тонкие водоросли. Совсем рядом блеснула чешуей мелкая рыбешка. Лицо Грязнова расплылось в блаженной улыбке.

И вдруг чья-то рука схватила его за плечо...

Берег реки, лес. Натура. Ночь.

— *Что?* — выдернул голову из воды *Сабанов*. — *Мы здесь были!* — истерически кричал ему прямо в лицо *Антон*. — *Совсем недавно! Вон коряга торчит!* — *Знаю, заткнись!* — отмахнулся от него *Сабанов*. — *У меня есть план! Эти слова товарищей не обнадежили. Некрасов лежал, положив голову Гале на колени, и отрешенно смотрел перед собой. Галя гладила его по загривку, как котенка. Белоусов, стуча зубами, стоял далеко в стороне. — Надо идти вдоль берега!* — *Сабанов пытался заразить друзей новой идеей. — И что?* — без особого энтузиазма отозвался *Белоусов*. — *А то, что у человека одна нога короче другой!* — *Жень, я с ума схожу,* — шепнула *Галя Некрасову*. — *Мне холодно...* — пожаловался тот в ответ. — *Поэтому и ходим по кругу!* — радовался собственной догадке *Сабанов*. — *А если вдоль берега, то утром будем в лагере!* — *А если это не та река?* — *В темноте глаза Антона блестели, как два светлячка.* — *Что значит — не та?* — *Ну другая...* — *Все равно надо вдоль берега!* — *Давайте плот сделаем!* — предложил *Белоусов*. — *Ты умеешь?* — с надеждой посмотрела на него *Галя*. — *Не-а... А ты?* — *Я никуда не пойду,* — вдруг громко заявил *Некрасов*. — *Не ходи,* — равнодушно пожал плечами *Белоусов*. — *Да ты и не сможешь.* — *Замолчи!* — крик-

нула Галя. — Тихо! — Ее слабый голосок перекрыл рык Сабанова. — Слышите? Он смотрел в небо. Откуда-то издали приближался и нарастал механический клетот. — Это батя... — тихо, словно боясь спугнуть неосторожным словом удачу, сказал Белоусов. Но не стерпел, заорал во все горло: — Это отец! Они нас ищут! Он авиацию поднял! Батя, мы здесь! Батя!!! — Мы здесь! Батя, мы здесь!!! — истошно закричали остальные, размахивая руками и прыгая на месте. Выше всех прыгал Некрасов, миг забыв о жгучей боли в ноге. Механический клетот все нарастал. Наконец прямо над их головами раздался грохот и так же стремительно исчез за рекой, на другой стороне. — Батя! — Белоусов, наверное, хотел догнать вертолет. Он вбежал в воду, но его тут же сбило с ног течением... Сабанов, не раздумывая, бросился на выручку. Их быстро вынесло на середину реки. — Они оба утонут... — сказала Галя. Некрасов вспомнил о своей ноге, повис на девушке, обхватив ее за плечи. А Антон все еще стоял, высоко задрав голову и всматриваясь в пустое темное небо. Барахтающихся в воде накрыл предрассветный туман. — Ноги свело! — Белоусов уже захлебывался. — Игорь, спаси... — Не цепляйся за меня... — зло командовал Сабанов. — Попробуй лечь на спину, я держу... Белоусов отчаянно колотил по воде руками. Брызги разлетались в стороны.

Яркая, переливающаяся всеми цветами радуги рыбина упиралась, извивалась, пыталась сорваться с крючка, но Цыган умело выдернул ее из воды.

Денис раздувал под котелком огонь.

— Ну не красавец? — Цыган горделиво продемонстрировал ему трофей.

Денис кивнул и отвернулся: ему было неприятно смотреть.

Цыган снял рыбину с крючка и, вздохнув, бросил ее обратно в воду.

— А Лена что? — вернулся к разговору Грязнов.

— По-разному. Когда как.

— А чаще всего?

— Приходила ко мне. Я у них был семейным пастырем.

— Она знала, что квартира заложена?

Цыган не оборачивался, делая вид, что полностью захвачен рыбалкой. Но на самом деле он просто не хотел, чтобы Денис видел, что у него глаза на мокром месте.

Медленно покачивался полосатый поплавок.

Грязнов бросил в котелок бульонный кубик, жмурился от попавшего в глаза дыма...

— Не мог он уйти сам! — вдруг прокричал Цыган. Бамбуковый спиннинг едва не хрустнул в его руках. — Не мог!

— Но пистолет...

— Что — пистолет? Ты у нас сыщик! Думай!

— Уже голову сломал...

— Только не это! — Цыган захрипел, будто втягивая слезы обратно в глаза.

Он наконец обернулся, подошел к костру и, укоризненно глядя на Грязнова, тихо спросил:

— Ты что? Предать хочешь?

— Дело закрыли...

— И ты сдался? — Цыган взвизгнул, наступив босой ногой на раскаленный уголек. Эта боль не остудила его, а, наоборот, завела пуще прежнего: — Ты сдался, черт тебя возьми! Да все что угодно!.. Я бы на его месте! Ты бы на его месте!.. Но не он сам! Его убили!

— Покажи ногу.

— Да хрен с ней, с ногой! Нога не жопа, завяжи и лежи! Я за это его и уважал! Камень! Скала! Медведь! В конце концов, он в Бога верил! Ты понял меня? Понял?

— Я понял только то, что ничего не понял, — философски изрек Грязнов.

Почти всю дорогу до дома ехали молча, после взрыва эмоций испытывая какую-то опустошенность. Они были обветренные и угрюмые.

Цыган загнал свою иномарку в гараж. Они дошли до середины двора и остановились друг против друга. Вроде как только начали, кое-как отношения наладили, а развивать их особой охоты не было.

— Бывай... — Цыган сухо протянул руку.

— Ага... — Грязнов вяло ее пожал.

Разошлись. Каждый в свою сторону.

— Слышь? — Цыган окликнул Дениса, когда тот уже взялся за ручку подъездной двери.

Грязнов обернулся.

— Помнишь, вот тут будка трансформаторная сторела? Ну ты тогда из Барнаула к дядьке своему на каникулы приехал? Помнишь? Летом было...

— Помню, а что?

— Так вот, это я ее поджег.

— Да знаю...

— Ну ладно... Тогда пока...

— Пока...

Денис рывком распахнул дверь...

Лесная изба. Интерьер.

...и они буквально ввалились в избушку. — Мамочки, что это? — в ужасе завизжала Галя. — Табуретка, дура! — цыкнул на нее Антон. — Сыростью пахнет, — сказал Сабанов. — Нет тут никого. Они сразу как-то осмелели, разбрелись по избушке, всматриваясь в темные углы. — Кажется, я спички нашел, — не очень уверенно сказал Белоусов. Он осторожно раскрыл коробок, чиркнул. Спичка зажглась, на несколько секунд осветив изможденные лица ребят... Они сидели у горячей печи, тесно прижавшись друг к другу. Не отрываясь, смотрели на огонь. Некрасов задремал. В ржавой кастрюле закипала вода. Галя с трудом поднялась, вынула из пожелтевшей пачки окаменевшие макароны, бережно опустила их в кипяток. Вернулась на прежнее место. — Мы друзья... — прошептал Антон. Языки пламени отражались в их глазах. Некрасов застонал во сне. Галя с тревогой посмотрела на мальчишек. — Это пройдет... — успокоил ее Белоусов. Некрасов очнулся, удивленно огляделся. — А где Игорь? Лес. Натура. Ночь.

Сабанов бежал из последних сил. Ветки хлестали его по щекам, он падал, спотыкаясь в темноте о корни деревьев, но поднимался, упрямо цедя сквозь зубы: — Я вас выведу... выведу... Его ослепил яркий свет фар. Он замер, закрыв ли-

цо руками, сморщился от громкого визга тормозов. Автомобиль резко юркнул в сторону и, обдав Сабанова пылью, вылетел с дороги в кювет. Снова все вокруг погрузилось во мглу. — Что ж ты, гаденьши, делаешь? — Взбешенный мужской голос оказался совсем близко. — Я тебе сейчас голову оторву! — Боря, не надо, это же ребенок! — пыталась образумить его женщина. — Помоги ногу вытащить, идиотка! — Боря, у меня, кажется, кровь... Сабанов сел на землю. Плечи его затряслись. И было непонятно, то ли он плачет, то ли смеется от счастья... — Посвети зажигалкой, я в ремне запутался! — продолжал рычать мужчина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.